

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Жарков В.П. Малахов В.С. Симон М.Е.
Летняков Д.Э.**

**Феномен глобальных миграций:
политико-экономический аспект**

МОСКВА 2016

Аннотация. Данная работа посвящена международному политико-экономическому аспекту глобальной миграции. Современная международная миграция есть естественное следствие развития свободного движения товаров, услуг и капиталов. Однако, имея в качестве одного из базовых оснований макроэкономические причины, проблема международной миграции не может сводиться исключительно к экономическим основаниям. Вопрос о регулировании глобальной миграции есть вопрос экономический и политический одновременно. Препятствия на пути формирования международного режима регулирования миграции заключаются в столкновении экономических интересов, к которым добавляются проблемы, связанные с безопасностью, правами человека, коллективной идентичностью, ценностными основами демократии и современного государства, т.е. сугубо политическими вопросами. В исследовании представлен критический обзор основных подходов, существующих в современных теориях международных отношений и международной политической экономии в отношении международной миграции.

Abstract. This paper is devoted to the international political and economic aspects of global migration. Contemporary international migration seems as a natural effect of the free trade policy. Being under the influence of the macroeconomic foundations, international migration couldn't be explained only in terms of economic reasons. The regulation of the global migration is the question of both economic and politics at the same time. Obstacles to the formation of an international regime on migration looks in a clash of international actors interests, security problems, human rights, collective identity, based values of democracy and nation-state, which actually do political issues. The research presents a critical review of the main approaches existing in modern theories of international relations and international political economy in their relation to international migration.

Жарков В.П., старший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Малахов В.С., директор Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Симон М.Е., старший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Летняков Д.Э., научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2015 год.

СОДЕРЖАНИЕ

Международная миграция в глобальном политико-экономическом контексте.....	4
1 Глобальный миграционный кризис	5
2 Миграция и теория международных отношений	12
2.1 Взгляд на проблему с точки зрения основных школ в теории МО.....	16
2.2 Миграция как объект секьюритизации	18
2.3 Основы либерального подхода к описанию миграции.....	21
3 Миграция, транснационализм и глобализация.....	24
4 Миграция в объяснении международной политической экономики	30
5 Миграция и глобальное политическое регулирование	37
6 Стратегии регулирования глобальной миграции	45
7 Политэкономическая концепция «миграционного государства».....	52
8 Мировой политико-экономический аспект миграции. Итоги и выводы.....	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	66

Международная миграция в глобальном политико-экономическом контексте

Как составная часть проблематики международной политической экономики, глобальная миграция все чаще рассматривается в качестве проблемы международных отношений, как часть современной мир-системы. Основные школы и направления в теории международных отношений уже включили тематику миграции в поле своих исследований, однако не все из них в состоянии выработать работающие подходы к объяснению данного феномена. Настоящая публикация посвящена критическому разбору основных объяснительных моделей глобальной миграции в ее внешнеполитическом измерении, с акцентом на международной политэкономии, особой политической дисциплины, возникшей и развившейся на основе синтеза институционального либерализма и критической теории.

Далее будут разобраны вопросы, связанные с возможностью регулирования международной миграции в условиях современного взаимозависимого мира. Столкнувшись с ростом международной миграции в последние десятилетия, национальные государства смотрят на нее скорее, как на серьезный вызов, решение которого все более затруднительно, если искать ответы исключительно на национальном уровне. Поиск параметров возможных наднациональных или транснациональных структурных решений опять же упирается в вопросы соотношения трудно согласуемых интересов и поисков оптимальных форм кооперации на международной арене на основе свободы и суверенитета каждого из акторов.

1 Глобальный миграционный кризис

Начиная со второй половины 1940-х гг., сразу после завершения Второй мировой войны международная миграция постоянно увеличивалась, и этот процесс затрагивал практически все области земного шара. Индивидуальная мобильность человека заметно изменилась в сторону роста за прошедшие вслед за этим более половины столетия. В результате, как показывает мировая статистика, уже в начале XXI в. приблизительно 200 миллионов человек проживали за пределами страны своего рождения. Сегодня десятки миллионов людей ежедневно пересекают границы, переезжая из страны в страну с различными целями от туризма, учебы и бизнеса, до поиска лучшей жизни и вынужденного беженства. Международная мобильность, таким образом, вне всякого сомнения может рассматриваться как часть более обширной тенденции глобализации, включающей в себя сферу мировой торговли, глобального распространения товаров и услуг, международных инвестиций и свободного движения капитала, все большую и массовую доступность путешествий, а также настоящий информационный бум. Вместе с тем, в то время как всемирная торговля и движение капитала обычно рассматриваются в качестве двух основных столпов современной глобализации, международная миграция часто остается вне сферы внимания, особенно среди исследователей международных отношений [1] [2]

Тем не менее именно миграция оказалась определяющим фактором той эпохи глобализации, которую переживает сегодня человечество. И, хотя глобальная миграция также во многом связана с развитием международной торговли и инвестициями по всему миру, различия между миграцией и другими факторами глобализации существенно глубоки. Джеймс Холифильд ссылается на старую английскую поговорку о том, что «люди не рубашки», другими словами пытаюсь найти обоснование одного из центральных тезисов, формулируемых в рамках подхода международной политической экономии. Согласно этому тезису, труд сеть не простой товар. В отличие от товаров и капитала, люди могут выступать автономными акторами, как в отдельных обществах, так и на международной арене в целом, своими действиями определяя политику. В первую очередь подобное влияние осуществляется различными групповыми транснациональными игроками, будь то транснациональные корпорации, гуманитарные сообщества «без границ»,

международные неправительственные организации, либо, напротив, международные группировки террористов и/или криминала.

В этих условиях глобальная миграция и мобильность населения рассматриваются в качестве все большей угрозы безопасности отдельных государств, о чем ежедневно напоминает лента текущих новостей: начиная с террористических атак 11 сентября 2001 г. и заканчивая последними трагическими событиями в Париже 13 ноября 2015 г., ситуация не только не решается, но становится все более тяжелой и выглядит все менее решаемой. Арабское происхождение террористов, устроивших атаку на «башни-близнецы» Всемирного торгового центра 14 лет назад, как и сирийский паспорт одного из террористов, устроивших беспрецедентную по масштабу нынешнюю террористическую атаку в Париже (очевидно, не последнюю в мировой истории) заставляет все большее число людей смотреть на глобальную миграцию как вызов политической стабильности, не находя при этом каких-либо эффективных рычагов регулирования и воздействия на миграционные процессы.

Оптимисты в отношении роли глобальной миграции со своей стороны полагают, что иммигранты приносят новые идеи и обогащают принимающие страны культурой и обычаями своих стран. Важно, что по прибытии в большинство развитых стран Запада иммигранты из стран третьего мира приобретают основной пакет прав человека, что позволяет им стать свободными людьми и полноправными членами того общества, в которое они интегрируются, рано или поздно становясь гражданами своей новой родины. С другой стороны, иммигранты могут возвратиться в страны своего происхождения, и, будучи сами обогащенными опытом жизни в свободном мире, приобретая новые знания и навыки, активно влиять на экономическое и политическое развитие своих стран. [3]

Очевидным, особенно на фоне событий последнего года, является также и тот факт, что не всякая миграция бывает добровольной. Статистика любого отдельно взятого года за последние десятилетия наглядно демонстрирует, что миллионы людей в современном мире передвигаются, чтобы избежать политического насилия, войны, голода, лишений и смерти, становясь вынужденными переселенцами, соискателями политического убежища или внутренними беженцами. Так в мире формируется «глобальное население» беженцев. В 2007 г. ООН дала оценку его численности в 11.4 миллионов человек, эта цифра на тот момент казалось гораздо ниже относительно бурного десятилетия 1990-х, но в течение последних лет она

постоянно росла. Согласно сделанным в середине прошлого десятилетия прогнозам Высшей комиссии ООН по делам беженцев, общее их число, включая внутренних переселенцев, должно было достигнуть около 33 миллионов. Однако в 2014 г. этот планируемый «рекорд» был побит со значительным перевесом, когда общее число вынужденных переселенцев в мире превысило 40 миллионов человек, включая около двух миллионов внутренних беженцев. Совершенно ясно, что по итогам текущего года эта рекордная цифра снова существенно возрастет. Почти четырехкратное увеличение численности беженцев за последние от силы семь лет, безусловно, очень опасный сигнал всему миру. Меж тем, еще в середине позапрошлого десятилетия исследователи международного влияния глобальной миграции Филипп Мартин и Йонас Уидгрэн предупреждали, что в силу своей сложности и многогранности, глобальная миграция все сильнее ставит перед отдельными государствами и международным сообществом в целом огромную и пока не решаемую проблему регулирования миграционных потоков [4, с. 46-48].

Как и сама глобализация, глобальная миграция, не является совсем уж новым явлением в мировой практике. Как подчеркивают Тимоти Хаттон и Джеффри Вильямсон, движение населения было нормой на протяжении всей мировой истории. [5] Только с появлением национальных государств в XVI-XVII вв. в Европе стало укореняться понятие законодательной привязки населения к тем или иным территориальным образованиям (государствам), равно как и к определенным формам правления, установленным в этих государства, замечает Лесли Мач [6]. Из ставших уже классическими трудов Чарльза Тилли [7] и Саскии Сассен [8] исследователям более-менее известно, что построение современного типа государства в Европе повлекло за собой объединение территорий, централизацию власти, начало доминирования бюрократии, появление всеобщего налогообложения, а также развязывание практически непрерывных войн между европейскими государствами. Однако практика учета национальности и гражданства, позднее ставшие признаками современного национального государства смогла развиваться в полной мере только ко времени рубежа XIX-XX столетий, пишет в свою очередь Рей Козловски [9]. Причина того, что европейским государствам однажды потребовались граждане, и возникла необходимость учета их национальности тесно связана с необходимостью ведения войны, установлением всеобщей воинской повинности и задачами налогообложения. Как вслед за Гансом Коном [10] полагает Роджерс Брубейкер [11], в XIX в. война настроила людей против друг друга, а

политические лидеры всячески возвращали националистические убеждения среди своего населения. Меж тем, констатирует Стивен Краснер, расширение европейской системы национальных государств посредством завоевания, колонизации и деколонизации распространило принципы суверенитета и национальности по всем частям земного шара [12].

Как результат процесса развития системы национальных государств в Европе и мире, лишь в XX в., с введением паспортов и въездных виз, границы стали все более часто закрываться для лиц, не являющихся гражданами той или иной страны. То есть, как замечает Джон Торпи, ставшая ныне привычной паспортно-визовая система и связанный с ней способ перемещения людей по миру, хоть и успели стать для нас привычными, в исторической ретроспективе существуют не более столетия [13]. Суть всех перемен эпохи Нового времени, следовательно, состояла в том, что почти каждое измерение в способах человеческого существования, будь оно связано с социально-психологической, демографической, экономической или политической сферами, происходило таким образом, чтобы отвечать принципам этнического государства, ровно об этом писал в свое время Эрик Хобсбаум [14].

Миграционные «кризисы», наблюдавшиеся в конце прошлого века, выглядели относительно бледно в сравнении с другими переворотами в политической и экономической жизни, будь то промышленная революция, две мировые войны, крушение мировой колониальной системы и деколонизация, которые сопровождались ирредентистскими движениями, радикальным изменением национальных границ, перемещению вслед за ними огромного числа людей привела, а также к случаям геноцида не только в Европе, но и во всем мире. В глазах западных исследователей, все эти процессы были повторены в 1990-е гг. после окончания холодной войны, распада СССР и того, что в самом СССР называли «мировой системой социализма» [15].

На этом фоне Майрон Вейнер в 1995 г. стал говорить о глобальном миграционном кризисе, когда увеличение международной миграции в послевоенный период поставило под угрозу международную стабильность и безопасность, особенно в тех областях земного шара, где национальные государства оказались достаточно хрупкими. В числе таких опасных регионов назывались Балканы, Южный Кавказ, Ближний Восток, район Великих Озер в Африке и юг африканского континента. М. Вейнер включил в свое исследование и западные демократические государства, указав, что повышение ксенофобских и националистических

общественных настроений в Европе показывает, что даже самые развитые и терпимые к этническим меньшинствам демократические государства рискуют оказаться дестабилизированными с политической точки зрения, в первую очередь в связи с массовым притоком нежелательных иммигрантов. По мнению М. Вейнера, существуют пределы того, сколько приезжих иностранцев способно «переварить» то или иное общество. [16]. Самуэль Хантингтон, автор широко известного понятия «столкновения цивилизаций», со своей стороны предостерегает, что отказ от жесткого управления американскими границами является сегодня единственной и самой большой угрозой национальной безопасности Соединенных Штатов [17]. На самом деле и М. Вейнер, и С. Хантингтон вторят предчувствиям другого американского автора, Артура Шлезингера-младшего, который 30 лет назад начал высказывать опасения, что массовая иммиграция и мультикультурализм могут привести к «разъединению Америки» [18]. В цепи рассуждений, представленных данными авторами, получается, что национальным государствам эпохи Модерна угрожают глобализация сверху и мультикультурализм снизу.

В основе продолжающихся дискуссий о миграционном кризисе лежат все те же опасения по поводу суверенитета, гражданства, национальной безопасности и идентичности современных обществ. Как известно, способность или неспособность государства управлять собственными границами и, следовательно, своим населением остается неперменным условием суверенитета, напоминает Гарри Фримен [19] и другие авторы [20]. Прерогатива государства осуществлять контроль и управление въездом и выездом людей на и с территории страны остается бесспорным принципом международного права [21], однако заметным исключением в данной практике служат правила приема вынужденных переселенцев в соответствие с международным статусом беженца, правилами определенными Женевской конвенцией 1950 года после Второй мировой войны [22] Очевидно, что этот политический и правовой принцип немедленно поднимает несколько вопросов. В частности, Гарри Фримен довольно давно уже поставил вопрос, почему некоторые государства, готовы выдерживать довольно массовые волны иммиграции, хотя это, казалось бы, не соответствует их интересам. [23; с. 884] Ставит ли приток иммигрантов под сомнение институты национального суверенитета и гражданства, усиливает данный вопрос Христиан Йоппке. [24] В таком случае, вслед за Кристофером Рудольфом [25] и Фионой Адамсон [26; с. 166-167] глобальную

миграцию необходимо ли рассматривать прежде всего как проблему безопасности, как на национальном, так и на международном уровнях.

Весьма заманчивым может показаться простое утверждение (как, впрочем, некоторые и делают) что международная миграция – это просто функция постоянного и необратимого процесса глобализации, как это пыталась объяснить С. Сассен. [27] Спрос на труд, как высокой, так и низкой квалификации, достаточно высок в основных принимающих странах, расположенных в Северной Америке, Европе и Австралии. Приток рабочей силы из Азии, Латинской Америки и Африки, способен удовлетворить любой неограниченный спрос на глобальном рынке труда. Инфляция спроса и рост предложения на этом рынке, похоже, стали определяющими для того скачка в международной миграции, который наблюдается сегодня. Скептики заметят в ответ на это, что все мы знаем, что люди не слишком расположены к риску, а миграция, переезд из одной страны в другую, и все чаще это переезд с континента на континент, чреват рисками, как, пожалуй, ничто другое. Одних только издержек, связанных с транспортом и обустройством на новом месте должно быть достаточно, чтобы удержать большинство людей от перемещения и заставить их сидеть дома. Что характерно, дело действительно обстоит ровно таким образом. Те 200 миллионов иммигрантов, которые были зафиксированы в мире в начале текущего столетия, на самом деле составляют меньше чем три процента всего мирового населения.

Однако, несмотря на это, равно, как и на усилия отдельных государств по ограничению иммиграции, все большее и большее число людей решается отправиться в путь, став иммигрантом. В свою очередь это свидетельствует о неизбежности нарастания миграционного кризиса и потере контроля над глобальной миграцией. Социологи и антропологи дают свое объяснение, каким образом людям удается снизить риски, связанные с миграцией. Люди, вероятнее всего, станут иммигрировать, если у них найдутся друзья или родственники в стране назначения, готовые помочь и облегчить процесс освоения на новом месте. Социальные сети также снижают операционные издержки, связанные с эмиграцией, делая ее менее опасной и соединяя спрос и предложение, как два полюса батареи. [28]

Наблюдая растущие потоки мигрантов и беженцев, в Европе и других частях света, невольно задаешься вопросом, действительно ли перед нами конец истории? Если так, то, судя по всему, государству не остается места в руководстве миграцией. Политика, как говорят некоторые [27], почти не важна и играет в лучшем случае

только второстепенную роль в миграционном процессе. Институты национального суверенитета и гражданства все более и более устаревают, продолжает данную линию рассуждения Ясмин Сёйсал [29]. Согласно этой логике, мир входит в так называемую «постнациональную эру», где миграция пересматривает международную государственную систему. Однако другие авторы, такие, как Джеймс Холифильд, Валери Хант и Даниэль Тиченор, будучи большими скептиками в отношении успехов глобализации, склонны утверждать, что было бы ошибочно полностью устранить государство из анализа политико-экономических аспектов глобальной миграции [30; с. 8]. Совершенно ясно, что для миграции важны социальные и экономические условия, но достаточными для того, чтобы успешно иммигрировать, остаются только условия политические и юридические. Возможно, государства должны быть готовы открыть свои границы для движения людей, и по мере своего перемещения, эти люди смогут обрести права. Между тем, у глобальной иммиграции существуют глубокие политические последствия, и именно государства играют первостепенную роль в формировании ее результатов.

2 Миграция и теория международных отношений

На первый взгляд очень заманчиво, глядя на непреклонное увеличение транснационального движения товаров, услуг, капитала и людей, прийти к заключению, что миграция – это просто часть процесса глобализации, который государства могут контролировать (если вообще могут) лишь в незначительной степени [27]. С экономической точки зрения довольно трудно отделить торговлю и инвестиции, перемещение товаров, услуг и капиталов, от миграционных процессов, полагает Д. Холифильд. [3] Однако у договорной экономической системы эти отличия имеются, и еще в начале 1940-х гг. у Вольфганга Столпера и Поля Самуэльсона [31; с. 72-73], а позднее в конце 1950-х у Р.А. Манделя [32; с. 333-334] появилось предположение, что в конечном счете всемирная торговля сможет заменить миграцию посредством процесса выравнивания ценового фактора, т.е. когда стоимость труда и жизни в разных частях мира станут примерно одинаковыми. В то же время, исторические и эмпирические исследования демонстрируют, что свободная торговля может привести к росту эмиграции, особенно в условиях сохраняющейся разницы в заработной плате и доходах, столь высокой, какая, к примеру, наблюдается между Соединенными Штатами и Мексикой [33]. В условиях, когда развивающиеся экономические системы сталкиваются с сильными трудностям, обусловленными внешней конкуренцией, их сельскохозяйственный сектор может подвергнуться разрушению, что приведет к массовому исходу жителей из села, сильно и быстро раздует население городов, увеличив тем самым эмигрантские настроения среди значительной части людей в таких странах. Следуя подобной микроэкономической логике (а это один из самых сильных аргументов в общественных науках), эмиграция будет продолжаться, пока в мировой экономике будет наблюдаться экономическая неустойчивость или пока процесс уравнивания ценового фактора не окажется завершен.

Однако все эти экономические модели, как их социологические аналоги, как правило игнорируют политические и юридические факты международных отношений, существующих и развивающихся со времен Вестфальской системы, которая, как известно, была основана на принципах суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Нисколько не утверждая, что эти принципы в мировой политике являются вечными, абсолютными и неизменными, тем не менее, с позиций политической науки стоит напомнить, что мир разделен на

территориальные единицы, над которыми все еще осуществляют значительную власть их суверенные правительства, напоминает С. Краснер [12]. Вместо того, чтобы предполагать, что государства потеряли контроль над своими границами, разрушенными транснациональными структурами в условиях глобализации, а потому неспособны регулировать перемещение товаров, капитала и людей, как в этом убеждена С. Сассен [27], можно поставить не менее интересный вопрос: почему государства рискуют, открывая себя для внешней торговли, иностранных инвестиций и иммиграции, особенно если это может привести к дестабилизации, как в социальном отношении, так и с политической точки зрения? Почему подобная открытость варьировалась значительно в течение долгого времени? В качестве ответа на эти вопросы Д. Холифильд предполагает, что в любой смешанной капиталистической системе для её частного сектора всё равно более прибыльным выглядит сохранять открытость для миграции, а также для внешней торговли и прямых иностранных инвестиций [1]. Однако и этот подход вовсе не объясняет, когда и при каких обстоятельствах государства предпочитают открытость закрытию границ.

Когда дело доходит до рассмотрения политических вопросов, связанных с суверенитетом и национальной безопасностью, к обсуждению оказываются подключены не только факты внутренней политики, столкновение организованных интересов и проблемы поддержания государственной автономии, но и внешняя политика государств, сама природа и структура международной системы [26; с. 196-198]. В дополнение к собственно иммиграционной политике, в список зависимых переменных могут быть включены вопросы отправки и приема в политике по делам беженцев, что становится все более и более важным вопросом внешней политики, особенно с окончанием холодной войны [16]. Когда и при каких системных международных условиях государства окажутся готовы принять большие количества беженцев или начать нести риски по крупномасштабной трудовой иммиграции? Здесь уровень анализа переходит с отдельных людей и групп интересов в сторону государств и международной системы как таковой. На этом месте в игру вступают противоборствующие традиции, течения и школы в теории международных отношений, в первую очередь либерализм, реализм, марксизм и конструктивизм. Каждое из перечисленных течений имеет собственные подходы и понимание перспектив развития национального государства и международной системы. Между тем, литература в области политической науки, касающаяся

вопросов миграции и международных отношений исключительно невелика, даже при том, что многие из числа представителей молодого поколения и кое-кто из старших исследователей, как уже упомянутые Ф.Адамсон [26], М.Вейнер [16], Р.Козловски [9], Д.Холифильд [2] и др.

Как объяснить недостаток внимания к вопросу глобальной миграции с точки зрения теории международных отношений, одной из важнейших областей политической науки, пока выглядит большой тайной, достойной внимания проницательных историков. Как представляется, однако, ответ на данный таинственный вопрос может быть дан с точки зрения истории, теории и методологии. Период с 1945-го по 1990 г., как известно, прошел под знаком холодной войны, когда западные теоретики международных отношений были склонны делить политику на две категории: условно «высокую» и «низкую». Кроме того, все теоретические построения в международных отношениях возникали по дихотомичному принципу – реалисты против либералов (идеалистов). В реалистическом понимании «высокой» политики главный предмет международных отношений был связан с вопросами национальной безопасности, внешнеполитического курса, а также проблем войны и мира, тогда как «низкая» политика касалась всех проблем, связанных с социально-экономической областью, остававшейся в ведении преимущественно внутренней политики. В этой структуре международная миграция, как любой экономический или социальный вопрос, оказывалась в области «низкой» политики и поэтому не становилась предметом исследований тех ученых, кто занимался международными отношениями, особенно далеко сюжеты миграции оказывались от проблем национальной безопасности или ситуативного анализа внешней политики. Для теоретиков международных отношений, связанных узами с реалистической парадигмой, как, в частности для Кеннета Уолца, достойным предметом анализа служила международная система как таковая, а не отдельные государства или тем более человек [34]. И коль скоро невозможно продемонстрировать, что такое социальное и экономическое явление, как миграция, ясно затрагивает отношения между государствами на грани изменения баланса сил, исследование миграции нужно оставить экономистам, социологам, антропологам и другим исследователям «низкой» политики, либо тем, кто придерживается более универалистского и идеалистического взгляда на природу международных отношений.

С началом постепенного угасания холодной войны, в частности, уже во время периода разрядки 1970-х гг., перед теоретиками международных отношений встали новые проблемы. Резкие скачки объема международной торговли и иностранных инвестиций в 1950-х и 1960-х гг. и повышение участия транснациональных корпораций (ТНК) привлекли внимание таких теоретиков международных отношений как Роберт Гилпин [35], Джозеф Най [36], Роберт Кеохэйн [36] [37], Хелен Милнер [37] и Стивен Краснер [12]. Их усилия были направлены на приложение теории международных отношений для решения некоторых основных дилемм конфликта и сотрудничества, не только в области международной безопасности, но также и в области мировой экономики. Благодаря усилиям этих и других ученых на Западе была создана новая дополнительная область политической науки – международная политическая экономия (International Political Economy). Кроме того, в рамках неолиберальной парадигмы, которой придерживались Р. Кеохэйн и Дж. Най, оказались смягчены основные, базово реалистические господствующие представления теории международных отношений о том, что международная система строится по принципу международной анархии, а государства, соответственно, являются ключевыми единицами действия на международной арене [36].

С концом холодной войны, в 1990-е гг. и даже ранее стали возникать отдельные по большей части еще кустарные приемы нового анализа международной безопасности, которые оказались сосредоточены на широком диапазоне проблем, от ограничения рождаемости и экологической деградации до защиты прав человека и вопросов противодействия воинствующему исламскому джихадизму и международному терроризму. Одним из первых на миграцию в политической перспективе, как на проблему международных отношений в 1981 г. попытался посмотреть Аристид Зольберг [38], его последователями стали М. Вейнер [16] и Дж. Холифильд [2]. Однако несмотря на усилия этих и других ученых, проблема международной миграции до сих пор не вошла в число актуальных для большинства современных теоретиков международных отношений. Обзор основных учебников по международным отношениям, написанных и вышедших в свет с 1960-х до 1980-х гг., показывает, что они вопросам миграции они уделяют очень слабое и малое внимание. Положение начинает немного меняться только с середины и к концу 1990-х гг., когда с приходом нового поколения исследователей, таких, как Эйтан Мейерс [39; pp. 1245-1282], Александр Беттс [40] [41], а также уже упомянутые Ф.

Адамсон, М. Вейнер и К. Рудольф, дисциплина, изучающая международные отношения начала признавать, что глобальная миграция населения может оказывать сильное воздействие на безопасность и суверенитет государств. Каким же образом может быть осуществлен теоретический разбор международной миграции с точки зрения теории международных отношений?

2.1 Взгляд на проблему с точки зрения основных школ в теории МО

По большому счету существует всего четыре философских школы в теории международных отношений, которые хоть что-то говорят о проблемах миграции. Во-первых, это реализм и неореализм, с вниманием, почти исключительно сфокусированном на проблемах власти, национальных интересах и структуры международной политики. Во-вторых, это то, что можно было бы назвать «транснационализмом», совокупность школ и подходов, объединенных вокруг тезиса о глобализации, которые в данном случае, в отличие от реалистов, напротив, склонны преуменьшать значение государственной власти и системы, отдавая первенство действию (процессу) на глобальном уровне. В-третьих, нельзя забывать про неолиберальный институционализм, который тесно связан с международной политической экономией и теорией комплексной взаимозависимости. Наконец, в-четвертых, это конструктивизм, подход, согласно которому идеи, культура и нормы важны с точки зрения формирования действий государственной власти важны не в меньшей степени, чем рассматриваемые реалистами интересы. В рамках этих четырех теорий проделано много эмпирической работы, прежде всего, в контексте социологии международных отношений в условиях глобализации. Здесь можно отметить работ таких ученых, как Мэри Дуглас [42], Ясмин Сёйсал [29] и Дэвид Джекобсон [43], которые опубликовали наиболее значимые научные труды о международной миграции и связанных с ней проблемах национальных границ, суверенитета и других национальных институтов в условиях глобализации. Р. Козловски, как политический исследователь, со своей стороны обратился к основным принципам теории глобализации, расширив спектр собственных исследований с тем, чтобы рассмотреть глобальную миграцию с конструктивистской точки зрения. [9] Конструктивисты, как известно, считают, что такие понятия, как национальная безопасность и национальный интерес являются не более, чем социологическими конструктами, и что почти любая проблема может быть

преобразована от вопросов «государственной» безопасности к проблеме «социальной» безопасности. Национальный интерес, утверждают сторонники конструктивистской школы, не может просто быть описан наподобие того, как это делается у реалистов, выводящих интересы из национальной структуры, международной системы и баланса сил. Конструктивисты видят прежде всего идеи, культуру и нормы, которые вместе с тем превосходят материальные интересы, как полагал Александр Вендт [44]. В результате почти любая проблема может быть секьюритизирована на уровне политического дискурса. в том числе, конечно, и международная миграция. [45]

Тем временем, растущий корпус исследований в рамках дисциплины международной политической экономии постепенно приводит исследователей к пониманию причин, почему государства рискуют, продолжая открывать свои границы для массовой иммиграции. Наиболее сильные достижения в рамках данной школы представлены в публикациях А. Беттса [40], К. Рудольфа [25] и Д. Холифильда [30], занимавшихся политико-экономическими аспектами международной миграции. Подходы этих авторов отличаются от подходов теоретиков глобализации и конструктивистов, которые склонны больше сосредотачиваться на исследовании социальных сетей, межнациональных сообществ, политического дискурса и проблем идентичности. Задача тех, кто ведет свои исследования в рамках дисциплины международной политической экономии заключается в том, чтобы вскрыть существующие противоречия и откопать суть таких понятий, как «национальный интерес». Теоретики международной политической экономии следуют за одним из двух подходов, очерченных в предыдущем параграфе, обращающем внимание на взаимодействие интересов, идей и учреждений ради объяснения причин того, почему государства идут на риски, связанные с миграцией в государствах [46].

Наконец, свое слово о международной миграции говорит школа реализма в теории международных отношений, самая старая и почтенная, даже не школа, а философская традиция, берущая свое начало от Фукидида и Гоббса, продолженная в трудах Г. Моргентау и К. Уолца во 2-й половине XX столетия, как классический реализм и неореализм, соответственно. Основным автором в рамках данной парадигмы, касавшимся проблем миграции в связи с международными отношениями, остается М. Вейнер [16]. Однако, как и теоретики международной политической экономии, он был склонен смешивать уровни анализа, несколько

непоследовательно перескакивая от человека к государству, далее на международный уровень и обратно. В этом отношении можно сказать, что никто из авторов при исследовании феномена международной миграции так и не применил реалистический подход в чистом виде. В этом случае потребовалось бы, чтобы некто вывел закономерность зависимости поведения государств, их стратегического выбора с точки зрения высокого или низкого уровня миграции, сильной или слабой поддержки принципов предоставления политического убежища беженцам от их места в структуре международной системы, т.е., с точки зрения того, как происходит распределение могущества на международном уровне. К. Рудольф возможно, подошел к этой модели описания ближе всего, проследив взаимосвязь проблем миграции и национальной безопасности на примере внешнеполитического курса США. Однако данный автор, как Д. Холлифилд, тяготеет большей степени не к реализму, а к международной политической экономии и неолиберальному институционализму, т.е. к чему-то, полностью противоположному реалистической традиции в теории международных отношений. Можно сказать, таким образом, что внешнеполитический аспект глобальной миграции в настоящий момент ближе всего исследователям, придерживающимся либеральной парадигмы, и/или действующих в рамках школы международной политэкономии.

2.2 Миграция как объект секьюритизации

Основное предположение политического реализма состоит, как известно, в том, что государства есть унитарно выстроенные рациональные игроки, поведение которых ограничено изначально анархической природой международных отношений. На уровне государств таким образом возникает так называемая «дилемма безопасности»: они вынуждены быть все время на чеку по поводу защиты своего суверенитета, внимательно следить за тем, не возникают ли какие-либо внешние угрозы и постоянно искать способы увеличения собственного могущества и возможностей защиты, напоминает Ф. Адамсон. [26] Из этой теоретической отправной точки могут быть выведены две довольно простых гипотезы. Во-первых, иммиграционная или эмиграционная политика (т.е., по сути регулирование правил въезда и выезда из той или иной страны) безусловно относится к числу вопросов национальной безопасности. Как показывают в том числе и события 13 ноября 2015 г. во Франции, государства открывают или закрывают свои границы, когда это

связано с интересами национальной безопасности. Поступить так или иначе, открыть или закрыть границы, означает действовать в интересах нации, т.е. соотносить данные действия с тем, усилит ли оно могущество и упрочит ли положение страны в международной системе. Очевидно, что этот аргумент, как многие чисто реалистические аргументы, опасно близок к тому, чтобы оказаться банальной тавтологией; поэтому здесь назревает необходимость установить обязательную связь со второй гипотезой. Во-вторых, миграционная политика и миграционные потоки зависят от международных системных факторов, а именно, от распределения власти в международной системе и от соответствующих позиций различных государств. Их относительные позиции в системе и равновесие политических внешнеполитических курсов определяют, готовы ли государства рискнуть, открывшись для массовой иммиграции или, наоборот, разрешив массовую эмиграцию, примут ли они большие количества беженцев или, напротив, постараются поставить заградительные барьеры.

Эти аргументы могут показаться привлекательными, если посмотреть на изменения политики в отношении международной миграции в период действия и после окончания холодной войны в 1990 г. Во время холодной войны в интересы СССР и других коммунистических режимов не входило разрешение людям на свободную эмиграцию, о чем красноречиво свидетельствует возведение Берлинской стены. В этой связи в интересах Запада оказалось поддержание принципа предоставления политического убежища и способствование иммиграции из стран восточного блока. С концом холодной войны ситуация существенно изменилась: довольно внезапно люди в бывших коммунистических странах стали свободнее в своих перемещениях (особенно в плане выезда) однако без какого-либо сопутствующего права на въезд. Миграция тут же была пересмотрена на Западе в качестве угрозы безопасности. Об этом пишут известные аналитики в области национальной безопасности. Так, в 1996 г. С. Хантингтон выступает в журнале *Foreign Affairs* со своей знаменитой статьей «Запад: уникальный, но не универсальный» [47], еще ранее со схожими идеями выступил экономист Джордж Борджас, который в 1990 г. кратко охарактеризовал ситуацию одним вопросом в названии своей самой известной работы «Друзья или Чужие?» [48] Как утверждает Д.Борджас, массовая иммиграция из бедных стран третьего мира составляет экономическую угрозу для США и других развитых стран Запада, потому что она истощает или обесценивает главный человеческий ресурс принимающих

государств, преобразовывая их из «модели алмазной огранки» в модель общества «песочных часов» с уменьшающимся количеством имущих наверху и растущим количеством неимущих в основании. Средний класс в этих условиях оказывается все более сжатым, что явно не способствует складыванию здоровых социально-экономических условий, в которых, с точки зрения автора, должны существовать и развиваться старые богатые демократические государства. Наконец, полемисты, такие как Питер Бримелоу [49] и Патрик Дж. Бьюкенен [50], доводят тему безопасности в связи с глобальной миграцией почти до откровенных культурно-сегрегационных и расистских тонов. В притоке цветных иммигрантов в западное общество они видят культурную угрозу, которая могла бы привести к политической дестабилизации либеральных демократических государств. Аргументы этих консервативных авторов напоминают об известном замечании британского политика от партии тори Еноха Пауэлла (Enoch Powell), сделанного им еще в 1969 г., когда он публично заявил, что, если цветная иммиграция в Великобританию не будет остановлена, то по английским улицам потекут реки крови.

Все эти работы, в действительности, секьюритизируют миграцию. Меж тем, безусловно самая сложная трактовка миграции с точки зрения политического реализма представлена в теоретическом подходе М. Вейнера [16] [51] [52], который особенно чутко ощущал дестабилизирующее воздействие массовой миграции и переселения беженцев в южном полушарии, прежде всего в Африке, где легитимность относительно недавно сложившихся независимых государств выглядит чрезвычайно хрупкой. М. Вайнер расширил исследование, включив в свои наблюдения процесс массового передвижения с юга на север и с востока на запад, на основании этих наблюдений он выдвинул гипотезу, согласно которой у каждого общества есть ограниченная возможность приема и интеграции иностранцев. То же самое бывший французский президент Франсуа Миттеран называл «порогом терпимости». М. Вайнер в свою очередь указывает на обратные реакции, наблюдаемые в Западной Европе в виде роста ксенофобии в обществе, трактуя их как пример политической угрозы безопасности и демократии в ситуации нарастающей безудержной иммиграции. Следовательно, по мнению автора, обязательно необходимо, чтобы правительства западных демократических стран были готовы к гуманитарному вмешательству в зарубежные конфликты, которые с большой вероятностью могут повлечь за собой многочисленные потоки беженцев. В качестве примера подобных успешных гуманитарных интервенций приводится

американское вмешательство на Гаити и участие НАТО в кризисе Балканах в 1990-е гг. Ученица М. Вейнера Келли Гринхил расширяет данную логику, утверждая, что государства могут действительно использовать миграцию в качестве инструмента для преследования своих интересов, вплоть до использования угрожающе массовых движений беженцев как рычага воздействия в конфликтных ситуациях [53].

Другая серьезная проблема связана с тем, что никто не может обойти вниманием оценку значения структурных или системных факторов в отношении спроса и предложения на мировом рынке труда, что оказывает прямое воздействие на миграционную политику. При этом главное слабое место реализма заключается в том, что с его точки зрения политические факторы определены на уровне «высокой» политики (например, баланса сил в мировой системе) и, следовательно, реалисты не придают слишком большого значения таким социально-экономическим «мелочам», как продолжительное увеличение потоков мировой миграции, наблюдаемое в период после окончания холодной войны.

2.3 Основы либерального подхода к описанию миграции

Объяснение международной миграции, вместе с тем, заложено в самих классических основаниях либеральной школы в теории международных отношений. Связано это, во-первых, с приматом универалистского основания, на котором развивают свою философскую теорию либералы. Во-вторых, именно либеральные авторы, опираясь на универсализм, одними из первых задают теоретическую рамку и терминологию описания того процесса, который сегодня можно назвать глобальной миграцией. В первую очередь это связано с учением Иммануила Канта, с одной стороны, о «всемирном гражданстве», как основе будущего «вечного мира», а с другой – о принципе «всеобщего радушия», который предлагается в качестве одного из оснований будущего мира без войн [54].

Принцип «всеобщего радушия», которым И. Кант предлагает ограничить «всемирно-гражданское право», предполагает «право каждого чужака на то, чтобы тот, на чью землю он прибыл, не обращался бы с ним как с врагом» [54; с. 242], и «пока «последний мирно живет там, он не должен обходиться с ним враждебно». [54; с. 242]. Подобное право не предполагает, что приезжий не может быть изгнан (при определенных условиях) это допускается, это также не предполагает, что каждый приезжий должен получать статус, который сам И. Кант называет «статусом

гостя», т.е. обязательств содержать пришельца, кормить его и давать бесплатный кров. «Для такой цели, - пишет И. Кант. – необходим особый благотворительный договор, который делал бы его [приезжего] на определённое время членом дома» [54; с. 242]. Речь лишь о «праве на посещение», принадлежащее всем без исключения людям, согласно естественному закону [54; с. 242]. При этом никто не может отнимать жизнь пришельца, наносить вред его здоровью, лишать его свободы и имущества. Нетрудно заметить, между прочим, что в наши дни кантианский принцип «всеобщего радушия» прекрасно действует в условиях паспортно-визового режима, установленного между современными национальными государствами, когда для въезда в ту или иную страну человеку, как правило, достаточно подтвердить собственную платежеспособность, готовность не нарушать законы принимающей страны, а также намерения, связанные с туризмом или бизнесом. Речи, однако, в большинстве случаев не идет ни о возможности переселения на постоянное место жительства, ни тем более о доступе к социальным благам принимающего государства. За исключением ситуации приема беженцев, в отношении чего, как известно, существуют международно принятые нормы.

Исходя из принципа универсализма, И. Кант также утверждает, что люди наделены право «общего владения земной поверхностью», согласно которому, люди, не имея возможности рассеяться по поверхности Земного шара до бесконечности, «должны терпеть соседство других» [54; с. 242], поскольку «изначально ... никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли» [54; с. 242]. В силу природно-исторических причин человечество оказалось разделено огромными географическими пространствами, океанами, горами и пустынями, в результате чего сложились автономные, а иногда даже почти полностью изолированные сообщества людей. Стимулом для расселения человечества, захватившего в конечном итоге даже самые удаленные и наименее пригодные для жизни уголки планеты, служила война как естественное состояние человеческой природы. Однако другие природные основания в определенный момент привели к изобретению человеком ремесла, транспортных средств и как следствия торговли, в результате чего дух торговли, связанный с инстинктом наживы начал соревнование с более древним инстинктом войны. В неизбежном всемирном общении через всемирную торговлю И. Кант видел основания для будущего «вечного мира», достижимого лишь в условиях «всемирного гражданства».

Более того, именно И. Кант был одним из первых мыслителей, кто высказал идею взаимозависимости, столь популярную в современной теории международных отношений. Можно даже сказать, что факты взаимозависимости были обнаружены И. Кантом, как раз таки, на специфических примерах перемещения специфической наемной рабочей силы, в роли которой в XVIII в. выступали, с одной стороны, рабы из Африки, а с другой наемные матросы на пиратских судах Карибского моря. Наблюдая за тем, как ведущие европейские «державы, которые так высоко ставят дело благочестия и которые, дыша несправедливостью, как воздухом, желают считаться избранными» [54; с. 245] хищнически и захватнически вели себя в отношении колоний в Африке и Новом свете, он констатирует, что результатом их деятельности стало средоточие самого «жестокое и изощренное рабства». [54; с. 245] В частности, «когда открывали Америку, негритянские страны, острова пряностей, мыс Кап и т.д., то эти страны рассматривались как никому не принадлежащие: местные жители не ставились ни во что. В Ост-Индию (Индостан) европейцы под предлогом исключительно торговых целей ввели войска, и вслед за тем начались угнетение туземцев, подстрекательство различных государств к широко распространившимся войнам, голод, мятежи, вероломство – словом, весь длинный ряд бедствий, тяготеющих над родом человеческим» [54; с. 244]. Однако все эти захваты, как и рабовладение, уже в XVIII в. не выглядели как экономически эффективное предприятие, не приносили какого-либо значительного дохода. Так что, единственное, чему во времена Канта служили, к примеру острова Карибского моря, были цели «вербовки матросов военных флотов и тем самым для ведения войн в Европе» [54; с. 245]. Собственно, исходя из этого наблюдения несправедливости, неравенства и несвободы, И. Кант делает свой главный вывод, согласно которому «более или менее тесное общение между народами земли развилось всюду настолько, что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других» [54; с. 245].

Таким образом, базово апеллируя к принципам экономической эффективности и «духу торговли», И. Кант обнаруживает принципы взаимозависимости задолго до современно глобализации, что доказывает ее глубокие исторически корни и немалую теоретическую традицию в осмыслении процесса складывания глобального мира как естественного, обусловленного самой природой процесса. Попытки отгородиться от мира стеной, как и апелляция к неким эксклюзивным правам на обладание той или иной территорией со стороны тех или

иных национальных общностей не имеют под собой естественных оснований, а потому обречены в исторической перспективе. Миграция же при этом, как и всемирная торговля служат проводниками складывания нового мира, построенного на принципах свободы и гарантирующего ее «всемирного гражданства».

Именно это важнейшее ценностное и нормативное обстоятельство заложено в основе сегодняшней иммиграционной политики стран Западной Европы, оставаясь не в полной мере осмысленными правительствами и обществами новых стран Европейского Союза из числа бывших членов «социалистического лагеря». Кантианские принципы, тем временем, остаются едва ли не главным стержнем, вокруг которого строятся все сегодняшние попытки наднационального или лучше сказать транснационального регулирования глобальной миграции, возможного через преодоление географической удаленности, культурных и экономических различий между странами, посредством международной кооперации и признания универсального значения основных прав человека. Все эти идеи обретают особое значение в условиях современного мира, характеризующегося новым уровнем глобализации.

3 Миграция, транснационализм и глобализация

Концепция глобализации с ее сильным акцентом на транснационализм, взгляд, предполагающий отказ от государство-центричного подхода к международным отношениям, способна предложить актуальную альтернативную гипотезу. Многочисленные проблемы, связанные с глобализацией, могут принимать различные формы и размеры, но большинство из них имеет корни в современной мировой системе капитализма, описание которой одним из первых предложил Иммануил Валлерстайн [55], после чего это стало предметом исследования экономической социологии и социологии международных отношений. В то же время все теоретики глобализации сходятся на одном пункте: суверенитет и регулирующая власть национального государства в настоящее время оказались ослаблены транснациональными тенденциями, что в первую очередь связано с более активным и массовым перемещением товаров, капиталов или людей [27]. Однако в отношении миграции зависимой переменной в этих рассуждениях служит движение людей; и в отличие от реализма, роль действующих акторов в международных отношениях здесь принадлежит не только исключительно государствам. В рамках концепции

глобализации крупные транснациональные компании, межнациональные сообщества и даже отдельные люди оказываются в состоянии найти способы, позволяющие им обойти контролирующие органы суверенных национальных государств. По словам Джеймса Розенау, в условиях глобализации мир парадоксальным образом оказался «индивидуализирован» [56]. Используя терминологию другого теоретика международных отношений, Джона Руджи, в современном глобальном мире государства оказались «растерриториализированы» [57], т.е. утратили свой территориальный статус.

Основной тезис концепции глобализации, таким образом, прямо противоположен реалистической аргументации, которая подчеркивает роль национального государства как основной единицы принятия решений и действия в международных отношениях. С позиции транснационализма и плюрализма государство больше не единственное законное действующее лицо на международной арене, если так вообще когда-либо было в мировой истории. Более того, государство-центричный принцип теперь обернулся против самого государства, которое привыкло все контролировать, но в новых условиях неспособно управлять, к примеру, транснациональными корпорациями, особенно крупными банками, легко оборачивающими колоссальные финансовые суммы вокруг всего земного шара, и в такой же степени – потоками мигрантов, которые передвигаются через страны и континенты в поисках возможностей лучшей трудоустройства и лучшей жизни. В рамках данного тезиса интернационализация капитала вызывает радикальную реструктуризацию производства, когда экономики отдельных стран перемещаются (вверх или вниз) по шкале доходов и в международном распределении труда. Само производство оказалось децентрализовано, будучи рассеянным между новыми центрами власти и могущества в мире, которое С. Сассен называет «глобальными городами» [58].

Согласно Саскии Сассен, Нине Глик-Шиллер [59], Пегги Левит [60] и другим авторам, развитие межнациональных экономических систем, ситуация, когда рабочие вынуждены переезжать из одной страны в другую в поисках занятости, часто оставляя членов семьи дома, привела к образованию специфических межнациональных сообществ, преимущественно в крупных городах, мировых финансовых и экономических центрах. Подобные сообщества могут быть обнаружены, как на верхних, так и на нижних уровнях рынка труда, как среди финансистов, специалистов в области ИТ, так и строительных и сезонных рабочих,

благодаря чему люди получают возможность более или менее легко перемещаться из одного национального государства в другое, оставаясь при этом в привычной для себя культурной среде. Подобную практику хорошо иллюстрирует большое исследование, проведенное в Соединенных Штатах с описать и классифицировать подобные практики среди мексиканских иммигрантов в крупных американских городах. Одним из первых исследователей миграции, кто обратился к данной тематике, был Дуглас Мэсси [61] который в 1987 г. занимался изучением роли трансграничных социальных сетей, существующих и действующих между страной выезда и странами въезда и способствующих формированию иммигрантских сообществ той или иной этнической или религиозной общины по всему миру. Подобные связи и информационные сети помогают потенциальным иммигрантам обрести уверенность и решиться на переезд, таким образом способствуя склонности современного человека мигрировать с одного места на другое, в действительности, снижая операционные издержки, неизбежно возникающие при осуществлении международной миграции. Как утверждает Алехандро Портес, мигранты давно научились использовать эти «транснациональные комюнити» как способ обойти национальные границы и прочие регулирующие препятствия на пути их социальной мобильности. [62] В своем исследовании автор указывает, что изменения в мексиканском законодательстве в пользу разрешения двойного гражданства могут укрепить подобный тип поведения, приведя к возникновению еще более многочисленного «трансграничного сообщества» мексиканцев.

Быстрое снижение операционных издержек при переезде, облегченные условия общения на новом месте (благодаря существующей на месте общине соотечественников), развитые транспортные коммуникации – все это в совокупности приводит к тому, что прежние национальной миграционной политики начинают стремительно устаревать. Вся старая нормативная база государства относительно трудового законодательства и правил ведения бизнеса была перевернута процессом глобализации. Для того, чтобы конкурировать на новом международном рынке, многие страны, входящие в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), были вынуждены прекратить жесткое регулирование и освободить рынки труда и капитала. Кроме того, страны с развивающейся экономикой столкнулись с долговыми кризисами, что повлияло на введение болезненных мер по структурной перестройке народного хозяйства, которая в свою очередь вызывает еще больше миграции из бедных государств в богатые. В

частности, в качестве примера может быть рассмотрен финансовый кризис в Мексике, произошедший в середине 1990-х гг., который привел к девальвации национальной валюты песо и скачку массовой эмиграции в соседние Соединенные Штаты, наблюдавшемуся в конце позапрошлого десятилетия. [63]

В описываемых подобным образом условиях глобализации государство и его политика были вынесены за скобки проблематики международных отношений. В русле такой «аполитичной» логики, две тесно взаимосвязанных области, глобальная торговля и глобальная миграция становятся основным следствием изменений, происходящих в межнациональном разделении труда. В определении экономических и социальных результатов данного процесса национальные государства играют в лучшем случае второстепенную роль. Главными игроками глобализации выступают транснациональные корпорации и «трансграничные сообщества», если зачастую не отдельные мигранты сами по себе. Мы живем в мире доминирующей игры этих акторов, действия которых все больше вовлекает государственные структуры и политику. Однако если бы государства играли столь малую роль, как это описывается в рамках данного подхода, то все споры о национальных интересах, государственной безопасности, суверенитете страны и даже гражданстве оказались бы полностью устаревшими и несущественными. В действительности это пока все же далеко не так. В конце 1990-х гг. группа социологов попыталась вернуть политику, закон и государство, в поле зрения и анализа. Уйдя от нигилизма в отношении старых национальных структур, Я.Сейсал [29] и Д. Джэйкобсон [43] сосредоточили свое внимание на вопросах развития прав для иммигрантов и иностранцев. Оба автора пишут о рождении своего рода «постнационального режима», формирующегося в контексте прав человека, при котором мигранты в состоянии достигнуть правового статуса, и который так или иначе превосходит гражданство, чьи интересы основаны на логике национального государства. Так, отдельным мигрантам удалось достичь международного юридического статуса, возможного на основании различных соглашений по правам человека. Подобное развитие рассматривается исследователями как отличительный признак нового развития ситуации относительно традиционных определений суверенитета и гражданства. Однако Я. Сейсал все же опасается использовать такие термины, как «постнациональное» или «межнациональное» гражданство, выбирая вместо этого термин «постнационального членства». Борясь с противоречивой природой собственных рассуждений, автор пишет, что поскольку формирование и

кодификация прав по-прежнему развиваются внутри национальных рамок, постнациональные права также несообразным образом все еще организуются на национальном уровне, так что осуществление тяготеющих к универсальности прав человека связано с определенными государствами и их институтами. [29; с. 157]

Гораздо меньшую осторожность в своих рассуждениях и выводах проявляет другой социолог, Рэйнер Бобёк [64; гл. 24]. Он пишет, что, учитывая динамику экономической глобализации, новое «транснациональное / политическое гражданство» неизбежно, поскольку попросту необходимо. Этот автор тяготеет в большей степени к политической и моральной философии, в частности к И. Канту, развивая его положения в пользу принципов всеобщего гражданства. Р. Бобёк, как и Я. Сёйсал, полагается на опыт новейшей истории международной миграции в Европе и опыт Европейского Союза, а ранее Европейского Экономического сообщества, который продемонстрирует, каким образом миграция сопровождала процесс экономического роста и интеграции в Европе все послевоенные десятилетия. Иностранцы рабочие и другие иммигранты достигли некоего уникального статуса как лица с фактически транснациональным гражданством. Тем временем все три автора Я. Сёйсал, Д. Джейкобсон и Р. Бобёк, пытаются сделать в сущности одно и то же, вложив некоторую долю политического и юридического содержания в мировые системы и проблематику глобализации в связи с миграцией. Но, как и С. Сассен, они рассматривают национальное государство как по существу неактуальное и неспособное идти в ногу с изменениями в мировой экономике.

Что перечисленные подходы в рамках концепции глобализации способны дать в связи с изучением миграционной политики, способны ли они, в частности, объяснить почему национальные государства готовы рискнуть, открывая свои границы для иммигрантов, как они объясняют фактически непрерывный процесс повышения масштабов международной миграции в течение всего послевоенного периода? Очевидно, что сторонники теории глобализации и транснационализма, вероятно, считают развитие глобальной миграции положительным фактом. Даже при том, что рассуждения о глобализации в большей степени ориентированы на теорию мир-системного анализа, и во многом не чужды неомарксистских подходов (в этом случае экономические и вообще материальным интересам всегда отдается большее предпочтение, нежели политическим факторам), авторы этих рассуждений разделяют многие наблюдения и предположения, делаемые обычными, неоклассическими теориями миграции. Первое и самое очевидное предположение

состоит здесь в том, что миграция вызвана прежде всего дуализмом мировой экономики, разделенной глобальным неравенством между богатейшими и беднейшими странами. Пока такой дуализм будет сохраняться, на людей будет оказываться давление при пересечении национальных границ в поисках лучших возможностей. Однако, в то время, как ряд неоклассических экономистов вроде Джулиана Саймона [65] продолжают рассматривать данные отношения как паритетные и оптимальные: образование возрастающего потока само по себе так или иначе разрулит процесс, теоретики глобализации, такие как С. Сассен и А. Портерс, видят в международной миграции следствие усиления дуализма в обоих направлениях, как в мировой экономике в целом, так и в отношении национальных рынков труда. Об этом свидетельствует, например, огромный рост неформальных секторов экономики. Данный вариант развития концепции глобализации весьма близок к марксизму и дуалистическому обоснованию рынка труда, при котором капитализму нужна резервная армия промышленных рабочих, чтобы преодолевать периодические кризисы в процессе накопления капитала, о чем почти 40 лет назад писал Майкл Пиоре [66]. Как только миграционные сети начинают усложняться, а трансграничные сообщества демонстрируют рост в плане объема и сложности, миграция также продолжает свой рост, провоцируя периодически непредвиденный и резкий спад спроса на иммигрантский труд, возможно, как результат кризисов в глобальной финансовой системы. Некоторые исследователи, как Уэйн Корнелиус, Филипп Мартин и Д. Холифильд [67], могли бы возразить, что даже если спрос на иностранный труд структурно включен в более продвинутые индустриальные общества, они не могут функционировать без доступа к дешевым и гибким иностранным трудовым ресурсам.

Второе и решающее положение, которое сторонники теории глобализации делят с неоклассическими экономистами, касается признания относительно второстепенной роли государства в управлении и структурировании международной миграции. Государства своими действиями могут исказить или замедлять развитие мировых рынков товаров, услуг, капитала и труда, но они не могут это развитие остановить. С их точки зрения, национальные регулирующие политические режимы и муниципальное право в целом попросту должны приспособиться относительно развития мировых рынков и роста миграции, как квалифицированных работников, так и чернорабочих. Идея закрытых обществ, как и попытки создания каких-либо особых правил въезда и выезда в те или иные государства, в ситуации

глобализированного мира представляется обреченной на неизбежную неудачу. Аналогично, гражданство и права человека больше не могут пониматься в их традиционных национальных контекстах, полагает Стивен Кастельс [68]. Примером тому служит послевоенная Западная Германия. Законы о национальности и гражданстве, изданные в Германии еще в 1913 г., вплоть до реформ 1999 г. провозглашали принцип родства и крови в качестве основного критерия и основания для натурализации [11] [69]. Но в то же время этот самый строгий по ограничениям режим гражданства не препятствовал тому, чтобы Германия стала самой большой страной в Европе, принимающей иммигрантов. Как можно объяснить столь значительное расхождение целей и результатов иммиграционной политики? Такие теоретики глобализации, как А. Портес, Я. Сёйсал и С. Кастельс, объясняют данную аномалию обращением к структурному спросу на иностранный труд в развитых индустриальных обществах, к росту социальных сетей и трансграничных сообществ, к появлению и росту значения «постнационального членства», заменяющего собой прежнее гражданство, которое при этом остается близко связанным с всеобщими правами человека, с тем, что Я. Сёйсал [29] называет «универсальной индивидуальностью». В подобной системе национальное гражданство и национальные регулирующие режимы, похоже, мало что объясняют в изменении миграционных потоков и степени открытости немецкого общества.

4 Миграция в объяснении международной политической экономики

Что теория глобализации может противопоставить аргументации реалистов? Главный недостаток тезиса глобалистов – в отличие от реализма – заключается в отсутствии какого-либо политического объяснения миграции, либо в некоторых случаях, если таковое имеется, в его слабости. Корень всех изменений ищется в обществе и экономике, когда действие оказывается первичным по отношению к структуре, и в этой структуре почти не остается места для государств и национального регулирования. Почти все предопределено социально-экономическими факторами. С другой стороны, либеральные аргументы сфокусированы на государстве и его институтах, разделяя в данном случае ряд общих положений с реалистами. И либеральные и реалистические подходы в большой степени отличаются рационализмом и подчеркивают первичность

интересов, однако их существенное различие заключается в том, что либералы хотят разьединить «национальный интерес» и рассматривают все разнообразие социально-экономических групп, которые конкурируют за влияние на государственные решения. Для либеральных теоретиков, как национальная, так и международная политика может быть сведена до одной лишь экономической игры и в конечном счете редуцирована до проблемы коллективного действия под влиянием конкурирующих интересов. Чтобы понять эту игру, ее средства и цель, все, что необходимо, как отмечал Эндрю Моравчик, так это правильно определить интересы и предпочтения основных социальных, экономических, и политических игроков [70, с. 513-533]. Не удивительно, что неолиберальные институционалисты почти исключительно сосредоточены на политике и политических мерах в демократических государствах, где соревнование среди групп относительно открыто и освобождено от авторитаризма и коррупции. Изучение соревнования среди групп на уровне национальных государств, а также оптимальных и дистрибутивных последствий политики, рисует более четкую картину того, почему государства ведут себя определенным способом на международной арене, в областях торговли, финансов или миграции.

Поскольку названный подход включает и политический, и экономический анализ – его стали называть международной политической экономией (International Political Economy). Теоретики международной политэкономии, многие из которых по совместительству остаются неолиберальными институционалистами, интересуются связями между сравнительной внутренней и международной политикой. В дополнение к вниманию внутренним интересам они также подчеркивают важность институтов с точки зрения определения результатов того или иного политического курса. Для одного из видных представителей международной политической экономии, Р. Кеохэйна, изучение международных организаций дает ключ к объяснению проблемы конфликта и сотрудничества в мировой политике, особенно в контексте ослабления американской гегемонии в последние десятилетия XX века. [37]

Вместе с Дж. Наем, Р. Кеохэйн утверждал, что увеличение экономической взаимозависимости в послевоенный период оказало глубокое влияние на мировую политику, изменив стиль поведения государств и представление о власти и ее использовании, что распространилось шире классического представления о равновесии властных структур [36]. В атомный век, в условиях постоянно растущей

взаимозависимости, для государств становится все более и более трудным полагаться на традиционную военную мощь для обеспечения гарантий собственной безопасности. Национальная безопасность становится все больше связанной с экономической мощью, а появление и распространение ядерного оружия существенно изменило саму природу войны. Проблема для государств, особенно государств либеральных, демократических заключается в том, как построить такой «новый мировой порядок», чтобы способствовать своим национальным интересам, которые все больше связаны, если не с миграцией напрямую, то с международной торговлей и инвестициями.

За первые два десятилетия после Второй мировой войны эта проблема по существу была решена Соединенными Штатами, которые взяли на себя роль стимулирования мировой экономики, обеспечив ликвидность, ради решения проблем структурной перестройки. Этот подход в теории международных отношений был обозначен Р. Гилпином, как «гегемонистская стабильность» [35]. Однако по мере постепенного снижения американского экономического господства, начавшегося в 1970-е гг., возникла проблема, как организовать мировые рынки в отсутствие очевидного гегемона. Ответ был бы найден, согласно Р. Кеохейну и другим исследователям данного направления, и он состоял в установлении принципа многосторонних отношений и построении международных организаций и режимов, способных решить проблемы международного сотрудничества и коллективного действия (таких, как Генеральное соглашение по тарифам и торговле и Международный валютный фонд) [37]. Поскольку холодная война в 1980-х сошла на нет, вся область международных отношений переместилась довольно далеко от исследования проблем национальной безопасности, перейдя к исследованию мировой экономики, особенно вопросов торговли и финансов. В прошлые десятилетия XX в. согласно теоретикам международной политической экономии, глобализация зашла так далеко, что полностью интернационализировалась даже внутренняя политика национальных государств [9].

Хотя международная миграция как проблема в международных отношениях, казалось бы, была открыта либеральными исследователями в рамках международной политической экономии (действительно, миграция имеет сильный политико-экономический аспект и очевидно способствует интернационализации внутренней политики), существует не так много работ с описанием данной проблематики. Причины этого довольно просты: все дело в том, что до недавнего времени в

области миграции было мало прецедентов каких-либо политических мер, принимавшихся на уровне международного сотрудничества, за главным исключением регулирования потоков беженцев [41]. Зависимая переменная в этом случае представлена интересами национальных государств и их поддержкой международных политических мер. Даже в случае с международными договоренностями в отношении приема беженцев на уровне ООН, результаты международного сотрудничества были довольно скромны, до конца 1980-х, гг. основные стимулы для сотрудничества среди свободных демократических государств были тесно связаны с холодной войной и биполярной структурой международной системы [71]. С конца 1940-х и до конца в течение 1970-х гг. у демократических государств Запада было довольно мало стимулов сотрудничать или тем более выстраивать международные институты и режимы управления трудовой миграцией, поскольку существовали практически неограниченные возможности привлечения доступных трудовых ресурсов (преимущественно низкой квалификации), поступающих из стран третьего мира, которые реализовывались через двусторонние соглашения со странами, поставлявшими эти трудовые ресурсы. Программы для турецких гастарбайтеров в Западной Германии (в 1960-е гг.) и мексиканских рабочих в Соединенных Штатах (с 1940-х до 1960-х гг.) служат классическими примерами двусторонних соглашений подобного типа. [63] [72]

Как отмечает Эндрю Геддис, за единственным исключением создания Европейского Союза и его Шенгенской системы, ситуация не сильно изменилась в 1980-е и 1990-е гг., даже несмотря на конец холодной войны [73]. В сущности, сохранились все те же неограниченные и быстро растущие каналы поставки дешевой рабочей силы из бедных развивающихся стран в богатые развитые страны. Тем не менее изменились цели иммиграционной и эмиграционной политики среди государств ОЭСР. Теперь государствам понадобилось контролировать, политически управлять, регулировать и останавливать международную миграцию, включая потоки беженцев [23; с. 881-901]. Режим, сложившийся в отношении беженцев во времена холодной войны, в особенности соглашения в рамках УВКБ ООН, оказались под огромным давлением, когда государства оказались вынужденными справляться с различными кризисами беженцев, зачастую происходящими в контексте гражданских войн и перед лицом гуманитарных бедствий [71]. Напротив, существующие международные организации по взаимодействию с экономической миграцией, такие как Международная организация по миграции (ИОМ) и

Международная организация труда (ILO) в Женеве, не страдали от натиска требований о расширении взаимодействия. Западная Европа сумела установить свой собственный региональный режим для регулирования миграции, Шенгенскую систему. В остальном же, прилагалось мало усилий по регулированию международной миграции на многосторонней основе, за очень редким исключением, каковым, в частности, стало Положение № 4 к Всемирному соглашению по тарифам и торговле (GATS).

Итак, что же могут поведать исследования международной политической экономики в области развитии международной миграции в течение послевоенного периода, в частности по поводу готовности национальных государств подвергать свои общества риску, открывая свои экономические системы внешнему воздействию мировой торговли и глобальной миграции? Первая главная гипотеза, которая может быть получена на основании методов международной политэкономики, состоит в том, что государства более готовы к риску открыть свои экономические системы для торговли и дополнительной миграции в том случае, если присутствует некоторый тип международного режима (или главенствующая сила), которая в состоянии отрегулировать эти потоки, организовать коллективное действие и решить проблемы бесправных работников. Тем не менее для регулирования международной миграции подобных международных договоренностей пока практически не существует, во всяком случае таких, которые были бы похожи на соглашения о регулировании движения товаров и услуг в рамках Всемирной торговой организации и капиталов в рамках соглашений и проектов Всемирного банка. Тем не менее, миграция, как мы помним, постоянно увеличивалась в течение всего послевоенного периода, и происходило это в условиях отсутствия какого-либо регулирующего режима или какого-либо иного типа эффективного многостороннего процесса, отмечает Дж. Холифильд [46]. Европейский Союз и Шенгенская зона до сих пор оставались важнейшими исключениями из этого правила. Если признать реалистические установки, согласно которым государства есть главные унитарные акторы, способные к закрытию или открытию своих экономических систем, то другие политические факторы должны работать, стимулируя увеличение и поддерживая степень открытости международной миграции, по крайней мере среди промышленно-развитых демократических государств.

Вторая гипотеза, которую условно можно назвать «силовой», выстраивается на основании преимущественно либеральной школы в теории международных

отношений. Сохранение относительно открытой, не меркантилистской, мировой экономики в большой степени зависит от объединения интересов и могущества наиболее развитых демократических государств, выступающих в качестве доминантов в современной системе мировой политики. В своем труде «Сопrotивление протекционизму; глобальные институты и политика международной торговли» (Resisting Protectionism: Global Industries and the Politics of International Trade), опубликованном в 1988 г., знаменитый на Западе либеральный теоретик Хелен Милнер [74] показывает, как в 1970-е гг. развитые промышленные государства оказались способными сопротивляться возвращению политики «превосходства соседа», существовавшей в 1920-е и 1930-е гг. Как утверждает исследовательница, рост взаимозависимости («мультинациональность» и экспортная зависимость) помогли укрепить коалиции свободной торговли среди государств ОЭСР в послевоенный период, таким образом предотвратив отступление в протекционизм после экономических спадов 1970-х и 1980-х гг. Главы правительств в ряде промышленно-развитых стран желали и были в состоянии сопротивляться сильным политическим давлению протекционизма в 1970-е гг., это стало возможно в значительной степени благодаря сильному объединению деловых интересов, что способствовало существенной структурной перестройке в рассматриваемых странах. В некоторых случаях сами государства были творчески перепроектированы политическими предпринимателями, с тем, чтобы облегчить обслуживание и укрепление этих новых коалиций в сфере международной торговли. Безусловно, интересы фритредерства были поддержаны в том числе существованием режима международной торговли в рамках Всемирного соглашения по торговле и тарифам. [75]

С точки зрения либералов и сторонников подходов международной политической экономии, центральный вопрос относительно миграции звучит следующим образом: как образовать проиммигрантские коалиции в государствах ОЭСР, и будут ли они в состоянии поддержать режимы легальной иммиграции, нарастающей начиная с конца холодной войны, в отсутствие эффективного режима регулирования международной миграции, а также перед лицом вызова финансовых кризисов и серьезной экономической рецессии? Нельзя недооценивать важность международных системных ограничений, таких, как конец холодной войны, которая ясно показала влияние на политическую коалицию и политику выравнивания во всех демократических государствах Запада [39; с. 1248-1251]. Все это оказало глубокое

влияние на коалиции стран, поддерживающие открытую миграционную политику, даже больше, чем в области торговли.

Существенное различие между торговлей и миграцией уже было указано вначале данного раздела, это различие касается также природы и типов коалиций, объединений стран, которые формируются ради поддержания или противодействия глобальной миграции. Хотя имеются, конечно, и сходства, в том смысле, что сильные экономически развитые страны с либеральной экономикой и политической структурой склонны поддерживать и свободную торговлю, и более открытую миграционную политику [2]. Существует намного более сильные культурные, идеологические и юридические аспекты, определяющим образом влияющие на процессе создания промиграционных коалиций стран в современном мире, чем в исключительно факторы формирования объединений ради свободной международной торговли, которые преимущественно базируются более узко на экономических интересах. Разумеется, политика свободной торговли имеет явно выраженные политические и социальные последствия, но аргументы в пользу сравнительного преимущества открытой тарифной политики тяготеют к экономическим основаниям, к интересам, структурированным внутри определенного социального класса или сектора экономики. Относительно торговли и отдельные люди, и группы интересов склонны следовать за интересами свободного рынка. Однако в процессе формирования курса в области миграционной политики, это не всегда и не везде имеет место исключительно на тех же экономических основаниях.

В отношении свободной торговли, если то или иное государство может быть уверено во взаимном выполнении обязательств в рамках международных договоренностей, в том, что другие государства будут соблюдать одни и те же принципы открытости, в таком случае доминирующему игроку, или гегемону мировой экономической системы, будет гораздо легче убедить скептически настроенную часть общественности поддержать отстаиваемую идею свободной торговли. В отличие от этого случая, экономические аргументы о низких затратах и преимуществах международной миграции могут быть омрачены политическими, культурными, и идеологическими контраргументами, небезосновательно считает Марк Розенблюм [76]. Формы национального самосознания, коллективная идентичность и мифы об основании, которые, с точки зрения Дж. Холифильда, также можно было бы назвать «национальными моделями», «вступают в игру по созданию и разрушению коалиций для открытой или ограничительной

миграционной политики [77]. Споры о миграции в развитых государствах ОЭСР с демократической политической системой в той же степени, если не больше, вращаются вокруг проблем прав человека, гражданства и национального самосознания – как и вокруг проблем экономики и рынков [67] [20] Таким образом коалиции стран, которые формируются, чтобы поддержать более открытую миграционную политику, часто одновременно являются объединениями во имя прав и свободных рынков [78].

Оппонируя сторонникам дисциплины международной политической экономии, конструктивисты могли бы заявить, что все споры о суверенитете и контроле над границами национальных государств сводятся в конечном счете к обсуждению вопросов национального самосознания, коллективной идентичности и социальных понятий псевдо-безопасности на уровне политического дискурса ценностей, нравственности и культуры вместо предоставления строго выстроенных экономических расчетов, однако это был бы уже совершенно иной поворот темы, отличный от рассмотренных подходов доминирующего социально-экономического детерминизма и рационализма.

5 Миграция и глобальное политическое регулирование

Опираясь на исследование, осуществленное под руководством Д. Руджи [79, с. 3–47], можно определить три принципа многосторонних отношений. Первый из них может быть определен как принцип неделимости, который означает, что многостороннее регулирование глобальной миграции должно принять форму общественного блага. Если в современном мире речь уже не может идти о гегемонии, то очевидно, что ни какое-либо единственное государство, ни даже небольшая группа государств не может обеспечить подобное благо всему международному сообществу. Все затраты и выгоды от его предоставления должны быть разделены относительно одинаково среди стран мира. Второй принцип предполагает введение международных норм и правил, которые могли бы изменить поведение государств на международной арене. Причем чем меньше таких принципов и норм будет зафиксировано, тем больше вероятность, что государства станут их реально соблюдать их, соизмеряя свое поведение с некими общими правилами. Самая трудная проблема любой многосторонней системы состоит в том, чтобы найти один единственный востребованный принцип (или по крайней мере

очень небольшое количество взаимосвязанных норм и принципов), «вокруг которого могут сходиться ожидания всех игроков». [79, с. 35] В-третьих, Д. Ругги упоминает о необходимости распространения взаимности, подразумевая под этим то, что все государства должны сохранять уверенность, что каждый из них готов соблюдать правила игры, и это позволит правительствам убеждать скептическую или даже враждебно настроенную общественность нести краткосрочные политические и экономические затраты для установления такого многостороннего режима ради получения долгосрочной прибыли.

Глядя на подобную, чисто либеральную транснациональную структуру, можно задать вопрос: каковы возможности построения опыта создания эффективного многостороннего режима, уже используемого во всемирной торговле и движении капитала, применительно к практике международной миграции? Какими могут оказаться стимулы для участия государств в таком режиме? Смогут ли государства преодолеть неизбежно возникающие сомнения, в первую очередь связанные с боязнью утраты суверенитета, угрозы национальной безопасности и идентичности вследствие изменения в составе населения [80].

В отношении первого пункта, предполагающего принцип неделимости, или, как возможно, лучше сказать по-русски, всеобщности, допустимо задастся вопросом: может ли вообще международная миграция быть определена как глобальное общественное благо. Как уже было отмечено ранее, это довольно-таки проблематично, особенно если сравнивать миграцию и торговлю. В течение всего послевоенного периода в мире сложился некий консенсус (в основе которого, не стоит забывать, лежало американское превосходство и доктрина сравнительного преимущества), согласно которому режим свободной торговли будет непременно способствовать глобальному благосостоянию и прогрессу дела всего мира. Девизом послевоенного периода стал принцип «мир через торговлю», заложенный в 1944 г. Бреттон-Вудским соглашением. Система ГАТТ (Генерального соглашения по торговле и тарифам) была создана, чтобы гарантировать, что затраты и выгоды от свободной торговли будут распределены одинаково, и это позволило ведущим демократическим государствам с либеральной экономикой (особенно США) постепенно преодолеть враждебность и скептицизм менее развитых государств. Утвердившийся режим свободной торговли смог привести не только к усилению специализации в производстве, собственно, его развитию и росту, а также к оптимальным экономическим результатам, но с политической точки зрения это

также не могло не способствовать взаимозависимости и более мирным отношениям между странами в складывающейся мировой политической системе.

Подобный тип экономического мышления, однако, не столь хорошо работает применительно к области международной миграции. Прежде всего потому, что по-прежнему слишком велика асимметрия между развитыми и развивающимися странами. Интересы развивающихся и развитых государств сходятся лишь в определенные, довольно короткие моменты времени. Это в частности, период экономической реконструкции после Второй мировой войны в Европе и период стремительного развития в Азии в 1970-х и 80-х гг.

При этом развивающиеся страны почти всегда имеют стимул экспортировать собственное избыточное население, тогда как у развитых государств только периодически есть интерес к приему большого числа иностранной рабочей силы. История глобального потока мигрантов, проистекающего с юга на север, выглядит одним из пиковых скачков, обусловленных определенным экономическим циклом. Между тем, существуют убедительные доказательства, что эта динамика, возможно, была нарушена в послевоенный период, по крайней мере в отношении «основных игроков» из числа демократических государств в Америке и Западной Европе [78]. Это хорошо видно по темпам мировой миграции, которые продолжали непрерывно повышаться, начиная с 1945.

Однако, если миграция не отражает экономический цикл, что же в таком случае ею движет? Возможный ответ из оптики политической теории: международной миграцией движут права человека, стремление их обрести. Поскольку современный мир становится более открытым, более демократические, и более либерально настроенные люди становятся все более свободными в передвижениях, и эта свобода достигла максимальных масштабов, чем когда-либо прежде. Вместе с тем подобная тенденция привела к усиливающимся трениям в самих демократических государствах, особенно в том, что касается института гражданства. Перед демократическими государствами с либеральной экономикой встала дилемма, которую Дж. Холифильд называет «либеральным парадоксом» [81]. Дело в том, что в либеральных политических и экономических системах существует постоянная напряженность между рынками и правами, или, иначе говоря, между свободой и равенством. Правила рынка диктуют подвижность и подразумевают установление открытости, тогда как правила свободного демократического государства, особенно принципы гражданства такого государства, требуют

определенной степени закрытости, необходимого в целях главным образом сохранения четкого определенного населения граждан и защиты неприкосновенности общественного договора, существующего между гражданским обществом и государством. Политически и юридически это – краеугольный камень каждого демократического государства. Равная степень защищенности, как правовой, так и социальной, а также надлежащие правовые процедуры не могут быть распространены на всех, не подрывая легитимности самого демократического государства. Каким же образом современное государство может решить эту дилемму и избежать разрывающего его парадокса? С точки зрения неолиберального институционализма и международной политической экономии, это возможно главным образом через построение особого глобального режима международной миграции. В частности, одним из путей решения выглядит тот международный миграционный режим, который на сегодняшний день сумели создать страны-члены Европейского Союза.

Вместе с тем, если признать, что глобальная миграция должна быть определена как международное общественное благо, это не может быть сделано просто в экономических терминах, даже при том, что двигателем производительных факторов (таких, как свободная торговля), как признано не только в экономической теории, является экономическая рентабельность. Чтобы отрегулировать миграцию на односторонней основе, демократические государства с либеральной экономикой должны принять на вооружение безжалостную и с точки зрения самих себя варварскую политику, которая может угрожать устоям самого свободного общества и свободного мира. В демократическом государстве неэффективно и нежелательно закрывать или держать границы на замке – это может быть опасно для демократии. По мнению самих западных исследователей, в частности Гарри Фримена, это могло бы стать крайней мерой и одновременно тупиковой стратегией внешнего контроля [23; с. 884-888]. Наряду с этим, подобные стратегии внутреннего контроля, включая жесткое регулирование рынков труда, ограничение гражданских прав и возможностей для иностранцев и приезжих граждан, а также нарушение основополагающих концептов (например, попытки ограничения права на получение гражданства США по рождению) угрожают демократическому государству не в меньшей степени, чем обстоятельства, названные выше [82]. Такие меры могут разжечь настроения расизма и ксенофобии в западных обществах и привести к росту унижения в отношении иностранцев и иммигрантов. Инициирование

многостороннего процесса в целях регулирования и управления иммиграцией предлагает лишь один выход из этой дилеммы, но, чтобы достичь этого, принципы контроля должны быть пересмотрены и утверждены на многосторонней основе как «организованное движение людей» [83]. Это, подчеркнуто, организованные передвижения подразумевают уважение к власти закона и государственному суверенитету, которые остаются основными политическими принципами в каждом демократическом государстве.

Остается проблема, как настроить международные обобщенные принципы политики в области миграции. Уже сегодня существуют различные соглашения, многие из них выдвинуты ООН и ее структурами. Основная их цель состоит в том, чтобы защищать права трудовых мигрантов и установить определенные стандарты для обращения с этими рабочими и их семьями. Аналогично, четвертая статья GATS (Генеральное соглашение по торговле и тарифам) включает условия для обеспечения международной миграции [83]. Однако ни одно из этих соглашений не позволило достичь состояния полноценного режима международной миграции, способного изменить политику государств. За весь послевоенный период квази-эффективный международный режим в данной области смог сформироваться только в плане появления норм предоставления политического убежища с единственным руководящим принципом, согласно которому убежище предоставляется на основании обоснованного страха преследования. Пункты о свободе передвижения, содержащиеся в различных соглашениях, заключенных внутри Европейского Союза, привели к построению регионального режима международной миграции для стран-членов ЕС, а Шенгенское соглашение определило нормы по контактам с миграцией граждан стран третьего мира, в массе своей просителей убежища.

В таком региональном контексте, где асимметрия между странами проявлена менее явно (хотя, как показывают события последнего года, эта асимметрия все равно существует, в частности между «старыми» и «новыми» странами ЕС), решать проблемы взаимного доверия и коллективного действия оказалось несколько легче, нежели в международной системе в целом. Новые правила могут быть приняты и формализованы через уже установленные порядки. На международном уровне наблюдается обратное: идет быстрое увеличение формальных, а потому очень слабых правил, норм и процедур, приводящих к своего рода фрагментированному и неэффективному режиму [83]. Кроме того, первоочередная задача самых сильных демократических государств состоит не в том, чтобы облегчить организованное

передвижение людей (в том числе туристов, способный платить за себя самостоятельно) или способствовать фактору международной мобильности. Скорее беспокойство ситуацией с миграцией связано с ощущением необходимости контроля, понятия, у которого существует столько же различных значений, сколько различий существует между теми или иными государственными системами. Проблема для любого государства или организации, пытающихся построить режим международной миграции, будет состоять в том, чтобы определить контроль таким ненавязчивым способом, который и сможет составить ту обобщенную норму или принцип поведения, позволив привести к распространению взаимности действий и соответствующего доверия. Добиться подобного результата – само по себе будет значительным подвигом, потому что, до сих пор международную миграцию удавалось отрегулировать почти исключительно на двусторонней основе, если даже не сказать хуже – в соответствии с рудиментарными принципами имперской иерархии, остающимися в отношениях между бывшими колониями и метрополиями. Фактически, в отношениях север – юг сегодня мы все еще видим эти принципы в действии. Провозглашенная свобода передвижения (но не поселения) была более или менее достигнута только среди государств ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), в особенности для класса высококвалифицированных иммигрантов или лиц, обладающих собственным капиталом. При этом на движение населения между ведущими развитыми демократическими государствами и менее развитыми странами в международной системе все еще оказывает существенное влияние старая система имперской иерархии, которая во многих отношениях даже больше проявляется сегодня, чем это было в период колониализма.

Для того, чтобы лучше понять трудности международного сотрудничества в урегулировании миграции, Д. Холифильд выстроил схему, предлагающую введение типологии международных режимов. Эта типология, изображенная в Таблице 1 и указывает на очевидное различие между способами регулирования движения капитала, товаров и услуг, с одной стороны, и совершенно с другой стороны, перемещения трудовых мигрантов или беженцев, в отличие от товаров и капитала, являющихся людьми, имеющими право на свободное волеизъявление. Когда дело доходит до регулирования всемирной торговли и движения капитала, т.е. весьма существенной функции международной политической экономики, принцип многосторонних отношений оказывается самым сильным и в большой степени институализированным в области финансов. Даже при том условии, что учреждения,

имеющие дело с международными финансами, совсем не идеальны, МВФ и Всемирный банк сегодня стали гарантами стабильных обменных курсов валют, без которых международная торговля и инвестиции были бы делом тяжёлыми и чрезвычайно опасными. Режим ГАТТ/ВТО для регулирования всемирной торговли также в значительной степени институализирован, но многостороннее основание этого режима, как представляется, выглядит более слабо, чем в случае с регулированием движения финансов. Потребность в сильных валютах и стабильных обменных курсах отдельные государства чувствуют все же острее, чем потребность в свободной торговле. Тем не менее, оба этих института развивались параллельно в послевоенный период. Сильные рыночные стимулы, а также формальные механизмы реализации в случае ВТО, заставляют государства «играть по правилам» [83]

Таблица 1 -. Типология международных режимов. Слабые и сильные институты

Многосторонние отношения	
Сильные институты и сферы регулирования	Слабые институты и сферы регулирования
Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ). Сфера регулирования: международное движение капитала.	Всемирная торговая организация (ВТО), Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Сфера регулирования: всемирная торговля, международное движение товаров и услуг.
Агентство ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Сфера регулирования: политические беженцы и вынужденные переселенцы	Международная организация по миграции, Международная организация труда (МОТ) Сфера регулирования: международная трудовая миграция

Из двух типов международных режимов, имеющих дело с регулированием миграции, один из которых – для трудовых мигрантов, а другой – для беженцев, до последнего времени выглядело более-менее ясно, что режим регулирования потоков беженцев, который был институализирован через Агентство ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), представлялся более эффективным по причинам, описанным выше. Термин «режимы», однако, можно поместить в кавычки, потому, в частности,

что регулирование международной трудовой миграции на многостороннем уровне остается довольно неэффективным. Порядком и правилами, определяющими въезд и выезд экономических мигрантов, управляют конкретные национальные государства, а не международные организации, такие, как ООН, Международная организация по делам мигрантов или Международная организация труда [79]. Опять же главное исключение здесь составляет Европейский Союз (ЕС). Действующий международный режим регулирования трудовой миграции существует здесь, однако, только для граждан государств-членов ЕС, а не (или по крайней мере еще не) для граждан стран третьего мира. Между тем, даже в странах Шенгенской зоны («Шенгенланд», как ее шутливо называют в британской прессе) для граждан из стран третьего мира отсутствует свобода передвижения. Только сами граждане стран, входящих в Шенгенские соглашения, имеют на это право. В Шенгенской зоне, тем не менее, действительно разработан и действует многосторонний режим, регулирующий прием беженцев (по крайней мере так выглядело до последнего кризиса). Базово, это было сделано для того, чтобы помочь государствам-членам ЕС и Шенгенского соглашения ограничить миграцию беженцев и предотвратить «покупку убежища» в Европе, полагает Эйхья Файлеман [84; с. 253-273]. В соответствии с Женевской конвенцией, беженцы имеют право просить убежища в первом государстве Шенгенской зоны, в которое они прибывают, однако если они перевозятся транзитом через относительно безопасную страну третьего мира, они могут быть возвращены обратно, т.е. переданы обратно в эту страну третьего мира. Ожидаемый результат должен был состоять в том, чтобы поддержать более или менее общую политику предоставления убежища в странах Шенгенской зоны и превратить все смежные с Европейским Союзом страны в буферные территории для фильтрации потоков беженцев. Важный момент заключается в том, что западноевропейские государства, входящие в ЕС, как и Соединенные Штаты, и другие демократические государства с либеральной экономикой, уважают письменные положения (если не сам дух), отраженные в международном законе о беженцах. И хотя основные принципы режима регулирования перемещения беженцев на сегодняшний день широко признаны, тем не менее такой международный институт, как Агентство ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) остается слабым и в большой степени зависящим от нескольких «клиентских государств», особенно от Швеции, Нидерландов и других небольших европейских стран, где у власти находятся преимущественно социально-демократические партии

и силы [71]. Много денег в УВКБ ООН вносят японцы, его также поддерживают американцы, и используют его в качестве инструмента в урегулировании кризисов беженцев во всем мире, особенно когда это связано с американскими национальными интересами.

Режим для международной трудовой миграции слабо институализирован, поскольку здесь отсутствует какой-либо централизованный регламент. Главные призванные осуществлять регулирование органы, Международная организация труда (МОТ) и Международная организация по делам мигрантов, обе с центральными офисами в Женеве, на самом деле имеют небольшой регулирующий или институциональный потенциал. В частности, для экономически развитых государств, преимущества от участия в режиме по регулированию международной миграции, казалось бы, могли перевесить возможные затраты, и краткосрочная стратегия одностороннего или двустороннего регулирования миграции могла бы быть заменена на долгосрочную и многостороннюю стратегию. Это менее верно для режима регулирования перемещения беженцев, потому что более сильным демократическим государствам этот режим нужен исключительно в случаях острых ситуативных вмешательств: для того, чтобы управлять крупными потоками беженцев, которые могут дестабилизировать ситуацию в отдельных странах, а, в отдельных случаях, и в целых регионах. Речь идет о ситуации, подобной балканской войне 1999 г. или последнему кризису с сирийскими беженцами в Европе, когда существенно повышается значение режима, регулирующего вопросы беженцев. Предшествующая практика, однако, показывает, что, когда кризисы с беженцами, так или иначе, удается преодолеть, интерес к подобного рода международному регулированию снова начинает идти на спад.

6 Стратегии регулирования глобальной миграции

До последнего времени нежелательные волны трудовой миграции можно было бы считать негативным явлением, особенно с политической точки зрения. Однако в глазах большинства наблюдателей на Западе эти волны не выглядели существенно угрожающими, каждая из них рассматривалась по отдельности и решалась в одностороннем порядке. Выгода от международного сотрудничества в области предотвращения нежелательной трудовой миграции выглядела незначительной, зато возможности нарушений выглядели весьма реальными и

разнообразными. Возможности контроля, управления или внедрения некоего общего принципа предотвращения дискриминации в этой области минимальны. Это возвращает исследователей к поиску и объяснению причин, почему государства рискуют, открывая свои границы для мигрантов, на уровень принятия конкретных решений, т.е. уровень отдельных национальных государств. Таковы три основных фактора, которые движут миграционной политикой: во-первых, культурный и идеологический, во-вторых, фактор, связанный с экономическими интересами, в-третьих, фактор прав человека. Все эти три фактора должны изучаться эмпирически в зависимости от конкретного случая. Между тем, остается еще один немаловажный фактор: мировой рынок труда уже существует и продолжает расти. Если первым правилом политической экономии принято считать обстоятельство, что рынки порождают регулирование, то определенный тип более устойчивого и эффективного международного режима регулирования, вполне мог бы развиваться и в случае с миграцией.

Каковы могут быть параметры такого международного режима, как он может сформироваться и развиваться? Теория международных отношений и, в особенности либерально-рационалистические аргументы, предлагают здесь некоторые подсказки. Один из основных ожидаемых эффектов международной экономической взаимозависимости, как известно, в либеральной парадигме состоит в том, чтобы заставить государства сотрудничать. [36] Увеличение международной миграции служит сегодня одним из индикаторов существующей взаимозависимости, более того он не показывает признаков ее уменьшения. Так как мировой рынок труда, как квалифицированного, так и низкоквалифицированного продолжает расти и, очевидно, вырастет ближайшие десятилетия еще более значительно, неизбежно появление стимулов для скорейшего создания международного многостороннего режима контроля и регулирования глобальной трудовой миграции.

Мультилатерализм в международных отношениях как некий важный для либералов принцип означает многосторонний подход к решению глобальных проблем на основе равенства всех стран, принципах международного права и совместного подхода к решению всех вопросов. На принципах мультилатерализма, включающих также известный принцип «одна страна – один голос», построена деятельность ООН и большинства существующих международных организаций. Очевидно, что все это должно быть положено в основу будущего режима международного регулирования глобальной миграции. Об этом в частности писала

Лайза Мартин [85, с. 91–121], опираясь на ее тезисы о мультилатерализме, равно, как и на весь сделанный ранее обзор подходов в теориях международных отношений, представляется возможным определить два основных пути, которыми государства могут оказаться способными решить проблемы координации в отсутствие доверия и взаимодействия. Напомним, в случае с миграцией развитые страны не доверяют менее развитым в том, что касается вопросов управления границами и удержании нелегальной и неконтролируемой миграции. Решением здесь может быть найдено, во-первых, посредством централизации регулирующей функции и объединения суверенитетов, во-вторых, при помощи убеждения или, как выражается Л. Мартин «тактических проблемных взаимосвязей» [85, с. 104]. Пример первой стратегии на региональном уровне относительно успешно продемонстрирован в миграционном законодательстве и миграционной политике стран Европейского Союза и Шенгенской зоны, где, как раз, многое изначально было построено на основе централизации и объединения суверенитетов, хотя и в меньшей степени, чем хотели бы некоторые либеральные институционалисты. Однако, как указывают многие авторы, это было довольно легко сделать на европейском контексте из-за совпадения или симметрии интересов и силы среди большинства европейских государств, их структурного сходства, общих ценностей и сложившейся на этой основе успешно существующей организационной структуры (речь о Европейском Союзе и его межправительственных институтах). Вместе с тем, централизовать контроль и регулирование миграции подобным образом было бы намного труднее в странах Америки или Азии, где асимметрия интересов и силы отдельных государств намного больше, при этом уровни политического и экономического развития стран этих регионов сильно варьируются в зависимости от той или иной страны. [86]

Представляется крайне маловероятным, что региональные торговые соглашения, такие, как Североамериканская зона свободной торговли (NAFTA) или Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) в скором времени приведут к сотрудничеству в области международной миграции, как это получилось в Европейском Союзе. Между тем, первые совместные меры по сотрудничеству в данной области в Европе зародилось довольно давно, собственно, вместе с европейским Объединением угля и стали (ЕОУС) в начале 1950-х гг. Региональный выбор, заключающийся в установлении принципа многосторонних отношений для определенной группы стран, выглядит в качестве одного из способов решить проблемы коллективного взаимодействия и начать процесс эффективной

централизации. Не стоит забывать, что большинству успешно развивающихся международных режимов регулирования предшествовал длинный период «вынашивания отношений», начиная с двусторонних договоренностей с постепенным вовлечением новых участников и последующим достижением многосторонних соглашений на региональном уровне. Маловероятно, однако, что режим регулирования международной миграции может быть построен, следуя примеру Всемирной торговой организации. Здесь пока слишком трудно выполнить входящее условие в виде установления принципа многосторонних отношений, или мультилатерализма, предполагающего неделимость ответственности, общие принципы поведения и всепроникающее взаимодействие. В случае с международной миграцией не существует правил исключения дискриминации (эквивалента торговой нормы ВТО, согласно которой тарифы и регламенты по торговле применяются к импортируемым товарам без дискриминации), также не существует никаких механизмов для наказания свободных поставщиков, как не видно пока никакого способа разрешения споров. Короче говоря, как и показано в Таблице 1, основания для многосторонних отношений в области регулирования миграции выражены слабо, чрезвычайно слабы и формально установленные структуры.

При асимметрии интересов и власти между развитыми (принимающими мигрантов) и менее развитыми странами (посылающей мигрантов), лишь эффективные методы убеждения могут оказаться единственной жизнеспособной стратегией для преодоления проблем коллективного действия, как на региональном, так и на международном уровне. Однако в реальности до этого в настоящем мире еще весьма далеко. Исследовательница Л. Мартин [85, с. 104–06] указывает на многие пути, которыми может быть выстроено подобное эффективное убеждение, и как оно может оказаться полезным в решении проблем координации. Первым делом (шаг номер один) необходимо разработать доминирующую стратегию, которая может быть сформулирована только наиболее сильными и могущественными государствами в опоре на использование международных организаций таким образом, чтобы суметь убедить или принудить меньшие и более слабые государства. С точки зрения стран, принимающих мигрантов, а они, как раз, и являются наиболее развитыми и сильными в современном мире, организованное регулирование передвижения людей должно быть устроено в соответствии с принципами верховенства закона и уважения к государственному суверенитету. А в определении общих правил в международном регулировании это было бы главной целью

ведущих демократических государств с либеральной экономикой. С точки зрения стран-доноров, речь, скорее всего могла бы идти о «миграция во имя развития», с использованием в своих интересах денежного оборота и при условиях возможности возвратной миграции (с целью притока в эти страны мозгов). В совокупности все это могло бы стать общей рамкой, на которой должен базироваться некий общий международный режим. [87]

На следующем этапе (шаг номер два) нужно убедить другие государства принять выработанную доминирующую стратегию. Это требует задействования тактики проблемных связей, которые учитывали бы проблемы идентификации и эгоистические интересы, не обязательно связанные с миграцией (такие, как вопрос о статусе 'most favored nation', понятия используемого в международной торговле и политэкономии для обозначения наиболее привилегированного игрока, участвующего в соглашении). Все эти ходы могут использоваться как рычаги, чтобы заставить или принудить остальные государства принять доминирующую стратегию. Таким образом возможно достижение того, что вслед за Дж. Холифильдом можно было бы назвать «международной круговой порукой». Подобная тактика может стимулировать появление принципа многосторонних отношений, по крайней мере на первоначальном этапе. Тактика проблемных связей была использована на переговорах между Соединенными Штатами и Мексикой по Североамериканскому торговому соглашению (NAFTA). Также в свое время проблемы миграции заняли значительное место на переговорах между Европейским Союзом и предполагаемыми членами Евросоюза в Центральной и Восточной Европе. В частности, на саммите Европейского Союза в Севилье в 2002 г., представители Великобритании и Испании попытались привязать официальную помощь в целях развития новых стран ЕС и торговые концессии для африканских государств к контролю за миграцией, однако эта инициатива была заблокирована участниками от Франции и Швеции. В случаях, подобных описываемым, взаимность действий и обязательств оказывается определенно направленной, а не рассеянной. Отдельные государства могут быть вознаграждены за собственное участие в сотрудничестве по регулированию миграции. Опять-таки, существует довольно много двусторонних примеров подобного типа стратегического взаимодействия между государствами Западной Европы и Восточной Европы.

Немецкие правительства периода после объединения Германии в 1990 г. заключили немало соглашений с государствами Центральной и Восточной Европы,

ради достижения сотрудничества в борьбе с нелегальной и неконтролируемой миграцией. В случае Польши это предполагало включение в общий пакет договоренностей направление инвестиций в экономику и меры по облегчению долгового бремени, а также предоставление большей свободы передвижения для польских граждан в Германии. Однако либерально-демократические государства рискуют столкнуться с проблемой доверия, если выберут только эти типы стратегий. Для большего успеха необходимы международные организации, чтобы выработать отношения большего доверия и облегчить «круговую поруку» всех участников.

Третий шаг для доминирующих акторов мог бы заключаться в уходе от принципов исключительно односторонней, управляемой игры и переходе к многостороннему процессу, что, в конечном счете, должно институализировать начатый процесс. Долгосрочная выгода такой стратегии государств, принимающих мигрантов, очевидна. Это потребует меньше усилий при построении международного режима регулирования международной миграции, нежели, если, оставляя все, как есть, каждый раз сталкиваться с новыми неконтролируемыми и плохо предсказуемыми волнами приезжих из государств третьего мира, полагаясь только на односторонние или двусторонние соглашения со странами-донорами.

Данный процесс, конечно, может повлечь за собой некоторую краткосрочную потерю контроля (рост числа виз или более высокие квоты для государств, посылающих мигрантов), все это, однако, может быть решено при условии достижения главного – в обмен на долгосрочную стабильность и более организованную/регулярную миграцию. Итоговой выгодой для экономически развитых демократических стран могло бы стать учреждение такого либерального мироустройства, которое было бы основано на власти закона, уважении к государственному суверенитету, свободе передвижения и путешествий, а также более четком и эффективном функционировании международных рынков труда. Выгодой для отправляющих государств в свою очередь могла бы стать большая свобода передвижения для их граждан, рост иностранных резервов и более благоприятный баланс платежей (благодаря денежным переводам мигрантов), увеличивающиеся перспективы обратной миграции (приток мозгов), а также увеличение культурного и экономического обмена, включая возможности получения технологий и инвестиций в экономику. [3]

Тем временем, важные сдвиги в международной системе, произошедшие после конца холодной войны, изменили эту игру, как минимум, в нескольких

аспектах. Во-первых, это открыло путь к разного рода нарушениям. С 1990 г. государства снова устремились к политике «соседского превосходства», закрывая собственные границы и не сотрудничая с соседними странами в деле выработки совместной иммиграционной и эмиграционной политики. Даже Шенгенский процесс сам по себе может быть охарактеризован как своего рода политика подобного «соседского превосходства» на региональном европейском уровне. Во-вторых, в период после окончания холодной войны сложились новые конфигурации интересов и силы, как на международных, так и на национальных уровнях, что сделало более трудным путь выбора многосторонней стратегии в управлении международной миграцией. Прежние политические коалиции, существовавшие в доминирующих демократических государствах в отношении вопросов общих рынков и законодательства, стали рушиться с уходом коммунистической угрозы, увеличивая общественную поляризацию и политизацию в области проблем беженцев и иммиграции. Однако все же либерализация и демократизация ранее авторитарных государств на юге и востоке Европы существенно сократили операционные издержки по крайней мере для эмиграции. [81] Первоначально это вызвало некоторую панику в Западной Европе, где всегда существовал страх перед массовой миграцией с Востока на Запад. Европейские газеты начала 1990-х пестрели заголовками «Русские идут!» Даже при том, что крупные потоки иммигрантов из России так и не стали реальностью (в отличие от потоков куда менее дружественных Европе приезжих из арабских и африканских стран), западные государства сильно напряглись и стали искать способы уменьшить или остановить иммиграцию с Востока. Временные горизонты почти всех западных демократических государств внезапно стали намного уже из-за этих изменений во внутренней и внешней политике. Миграция стала восприниматься многими в качестве крупной и серьезной угрозы национальной безопасности, результатом чего стало появление небезызвестных трудов С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и угрозе западной идентичности со стороны людей, массово прибывающих из стран с другой культурой и традициями. [17]

Если бы Соединенные Штаты, как наиболее сильная и развитая среди демократических стран со свободной экономикой, повернули бы собственный политический курс в сторону отказа от свободной миграции и идеи миграционных режимов международного регулирования как таковых, это могло бы привести к краху любых попыток создания подобных режимов. С теоретической точки зрения

такой отказ, как результат, существенно изменил бы равновесие сил по данному вопросу, и это могло бы потенциально дорого обойтись всем государствам и международному сообществу. По крайней мере в отношении миграции, процесс глобального обмена мог бы существенно и катастрофически исказиться.

Для того, что предотвратить этот возможный крах идеи и проекта свободной миграции и режимов приема беженцев (что весьма вероятно в контексте последнего кризиса в Европе, конфликта на Ближнем Востоке и наступления джихадизма по всему миру), Соединенные Штаты и другие демократические государства, скорее всего, будут вынуждены перейти к более агрессивной стратегии реализации принципа многосторонних отношений, осуществив краткосрочные политические рывки ради долгосрочной политической стабильности и экономической выгоды. Так произошло в областях международных финансов, с крахом Бреттон-Вудской системы в начале 1970-х гг. во всемирной торговле, в случае кризиса 1980-х гг. в Латинской Америке и Азиатского кризиса 1990-х. В противном случае, в отсутствии лидера, появившегося в международной торговле и финансах, неконтролируемые миграции будут увеличиваться и станут еще более угрожающими, вынуждая крупные государства закрывать границы, что по факту начинает происходить в последние месяцы, недели и дни.

7 Политэкономическая концепция «миграционного государства»

По всей вероятности, в ближайшие десятилетия международная миграция будет только увеличиться. Стимулом для этого будут служить не только всемирная торговля и экономический рост, но в не меньшей, а возможно большей степени вечные спутники человеческой истории, такие катастрофические международные события, как войны или экономическая депрессии – очевидно, что все это тоже никуда не денется, а возможно будет нарастать еще больше. Однако несмотря на террористическую атаку 11 сентября 2001 г., совершенную джихадистами Бен-Ладена на Соединенные Штаты, экономически развитые демократические государства не отказались от своей прежней политике в области миграции и, приняв необходимые меры безопасности, остались относительно открытыми для желающих переехать из-за рубежа, в первую очередь из стран Третьего мира. Между тем, глобальное экономическое неравенство сохраняется в современном мире, и это

означает, что стимулы, толкающие людей на переезд из одной страны в другую, со своего неблагоприятного континента в другую часть света, все эти импульсы остаются достаточно сильными, и при этом параллельно интенсифицируется спрос на рабочую силу в развитых странах мира. [88] Растущий спрос на высококвалифицированных рабочих и демографический спад в промышленно развитых демократических государствах открывает новые экономические возможности для привлечения мигрантов в этих наиболее привлекательных для жизни странах мира. Транснациональные социальные сети стали крепче и эффективнее, связав между собой страны, отправляющие и принимающие мигрантов. Эти социальные сети помогают снизить затраты и риски, связанные с эмиграцией, облегчая для людей преодоление границ и больших расстояний. Кроме того, в случаях, когда легальная иммиграция оказывается невозможной, мигранты все чаще обращаются к услугам профессиональных контрабандистов, к активно формирующейся глобальной индустрии незаконного перевода через границы – часто с участием в этом бизнесе организованной преступности. Эти процессы усилились еще в последнем десятилетии XX в, [86], дальнейший их рост, а также поды бездействия и слабости официальных властей на национальном уровне, мы можем наблюдать воочию сейчас. Теперь не проходит и недели (а то и дня) без новостей о трагической гибели нелегальных иммигрантов, связанных с подобными криминальными потоками. Меж тем, Дэвид Киле и Рей Козловски в своей совместной статье предупреждали об этом почти 15 лет назад [89].

Тем не менее, миграция, как любая область международной экономической деятельности (такой, как торговля и иностранные инвестиции), не может быть лишена правового и институционального определения. Факты наглядно демонстрируют, что отдельные государства, как ранее в истории, так и по сей день, на уровне собственной национальной политики глубоко вовлечены в организацию и регулирование миграции, в процесс распространения прав на лиц, не являющихся гражданином данной страны. Все это стало чрезвычайно важной частью истории международной миграции в послевоенный период. Так, права, которые оказались в распоряжении мигрантов, в большинстве случаев и по большей части черпаются из правовой защиты и конституционных гарантий принимающих их государств, предназначенных всем членам этого общества [90]. Таким образом, если отдельный мигрант будет в состоянии добиться определенных правовых гарантий для себя по новому месту жительства на территории демократического государства, то его (или

ее) шансы остаться и обосноваться в этом месте существенно увеличатся. В то же время развитие ряда норм международного законодательства о правах человека помогли укрепить положение людей в рамках национального государства до такой степени, что люди (и некоторые группы) приобрели своего рода статус международного юридического лица, что вынуждает некоторых исследователей миграции и глобализации призадуматься о том, что человечество входит в своего рода «постнациональную эпоху», характерными чертами которой становится «универсальная индивидуальность», как полагает Я. Сёйсал [29], расширение действия «прав через границы», по мнению Д. Джейкобсона [43], и даже возможное появление «транснационального гражданства», как убежден Р. Бейбёк [90].

Другие авторы, как П. Левит, утверждают, что мигранты приобрели «транснациональный статус», т.к. многие больше не проживают исключительно на территории одного государства, фактически курсируя между местом своего рождения и местом, выбранным для работы и жизни [60]. Данная линия рассуждения уделяет первостепенное значение человеческому действию как решающему фактору, определяющему характер современных миграций, однако сторонники такого подхода зачастую игнорируют роль государственной политики и ее влияние на выбор мигрантов и то или иное совершаемое ими действие. «Миграционное государство» (migration state), термин, активно используемый в современной западной литературе по политико-экономической проблематике международной миграции. Несомненно, «миграционное государство» – это по определению либеральное демократическое государство, поскольку только такое государство способно создать правовую и регулируемую среду, в которой мигранты смогут спокойно жить и развивать индивидуальные стратегии карьеры и роста благосостояния. Вместе с тем регулирование международной миграции требует, чтобы демократические государства были внимательны к частным и гражданским правам человека. Потому что, если эти права окажутся проигнорированы или растоптаны, то либеральное демократическое государство рискует подорвать свою внутреннюю легитимность и общественный интерес, выступив против собственных базовых оснований. [80] Поскольку в условиях глобализации и транснационализма международная миграция продолжает расти, либеральные демократические государства прилагают все большие усилия, чтобы найти новые нестандартные способы сотрудничества с целью регуляции увеличивающихся потоков мигрантов. Тем, кто привык смотреть на проблему с

позиций национального интереса и общественного блага, необходимо принять эту новую действительность во внимание, поскольку права человека и их соблюдение постепенно становятся ключевой особенностью внутренней и внешней политики современного государства. Новые международные режимы окажутся неизбежно необходимы, если государства по-прежнему будут склонны рискнуть большей открытостью, а международная политика, основанная на праве, включая права человека, станет еще более актуальной, убежден Д. Холифильд [80].

Некоторые политики и влиятельные общественные фигуры, не говоря уже о международных организациях, продолжают надеяться, что проблема регулирования международной миграции окажется решаемая с точки зрения рыночно-экономического подхода. Всемирная торговля и прямые иностранные инвестиции, несущие капитал и рабочие места людям, в том числе частные инвестиции и государственная помощь развивающимся странам, как не перестают надеяться упомянутые силы, смогут изменить характер международной миграции, сбалансировав встречные импульсы миграционных волн, формируемых спросом и предложением на глобальном рынке труда. [87]

Даже при том, что развитие международной торговли в долгосрочной перспективе может привести к выравниванию ценового фактора, как было продемонстрировано в случае Европейского Союза [91]. Когда слаборазвитые страны оказываются подвержены рыночным процессам, в краткосрочной и среднесрочной перспективе это часто приводит к росту, а не к спаду миграции, как очевидно продемонстрировано в случае с американо-мексиканскими отношениями и заключением Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA)[63]. Аналогичным образом, торговля услугами может стимулировать миграцию «более высокого класса», потому что подобный тип экономической продукции часто не может производиться или продаваться без движения людей, которые их делают и продают [81].

Таким образом, глобальная интеграция рынков товаров, услуг и капитала влечет за собой повышение уровня международной миграции; поэтому, если государства хотят установить более свободные правила мировой торговли и иметь возможность вкладывать инвестиции по всему миру, они должны быть готовы научиться регулировать значительные потоки миграции так, чтобы привлекать наиболее образованных и качественных специалистов. Множество государств, в частности, Канада, Австралия и Германия, жаждут сегодня поддерживать миграцию

высококвалифицированных специалистов, потому что подобного рода миграцией легче управлять. К тому же, приезд высококвалифицированных людей в качестве иммигрантов, как правило, встречает наименьшее сопротивление со стороны той части политиков и общественных движений в этих государствах, которые выступают с критикой открытой миграционной политики и требуют введения ограничений. Когда речь идет об импорте квалифицированных работников, однако, эти голоса обычно умолкают. Между тем, массовая миграция менее образованных рабочих с низкой квалификацией, вероятно, встретится с большим политическим противодействием в том числе в развитых демократических странах, даже в таких ситуациях, когда подобного рода рабочая сила оказывается остро необходимой, например, в таких секторах, как строительство или городское хозяйство, где традиционно существует высокий спрос на подобный тип труда. В этих случаях правительства, скорее всего, будут стремиться вернуться к старым моделям срочного найма иностранных рабочих, занимаясь введением достаточного количества временных рабочих мест с целью заполнения лакун на рынке, но со строгими контрактами между иностранными рабочими и их работодателями, которые ограничат продолжительность пребывания неквалифицированных мигрантов, запретят им осуществлять воссоединение семей и тем более не дадут права на натурализацию, как это уже делалось в 1980-е гг. [92] Альтернативой данному политическому курсу, в отсутствие выбора, может стать незаконная иммиграция и растущий черный рынок для труда.

Стоит ли человечество на пороге новой эры в экономике и политике? В XIX и XX столетиях можно было наблюдать развитие того, что Ричард Розекранс определил, как «торговое государство» [93]. Анализируя политико-экономические процессы, связанные с развитием международной торговли и миграции, некоторые авторы сегодня на Западе приходят к выводу, что 2-я пол. XX в. заложила основы того, что они называют «миграционным государством». Если смотреть со стратегической, экономической и демографической точек зрения, торговля и миграция фактически идут рука об руку, потому что богатство, власть и стабильность государства теперь более чем когда-либо зависят от его готовности пойти на риски, как в торговле, так и в отношении миграции. [20]. Глобальная конкурентоспособность, экономическая безопасность и могущество на международной арене в сегодняшнем мире тесно связаны с готовностью страны принимать иммигрантов. Ровно поэтому Европейский Союз не так давно осуществил

запуск программы «синей карты» для привлечения высококвалифицированных иностранным рабочим, этим европейцы явно стремятся подражать Соединенным Штатам и Канаде, предполагая с учетом доказавших свою эффективность примеров, увеличить собственное материальное благосостояние и силу. Однако в одном важном отношении Европа имеет преимущество перед Соединенными Штатами, Канадой или Австралией. Европейский Союз сегодня – это региональное экономическое предприятие, которое не только создает свободную зону обмена, но также и свободную зону международной миграции.

Теперь более чем когда-либо международная безопасность и стабильность зависят от способности управлять миграцией на глобальном уровне. При этом для национальных государств чрезвычайно трудно, практически невозможно регулировать миграционными потоками в одностороннем порядке или путем двусторонних договоренностей. Один из возможных ответов на этот вызов заключается в введении нового типа многостороннего регулирующего режима (для начала на уровне отдельных регионов, а в долгосрочной перспективе и на всемирном уровне), подобного такому, какой сегодня построен в Евросоюзе, правда исключительно для граждан тех стран, которые в нем участвуют. Европейская модель, развивавшаяся со времен соглашений в Риме, Мастерите, Амстердаме и далее, указывает возможный путь к будущим режимам регулирования международной миграции, где речь идет не просто о *homo economicus*, привлекаемых на работу, но сюда же оказываются вовлечены вопросы предоставления прав для отдельных мигрантов, а в ряде случаев даже элементов гражданства, очевидно, имеет немалое будущее не только применительно к европейскому континенту. [72] В то же время проблема подобного типа регионального режима миграции состоит в том, что в нем остается не до конца определенным вопрос, как поступать с гражданами стран третьего мира. Когда Европейский Союз расширялся, пограничные режимы оказались смягчены, и проблема граждан стран третьего мира, иммигрантов и этнических меньшинств стала особенно явной. Для того, чтобы с этим разобраться, теперь должны быть созданы новые институты, законы и постановления.

Наконец, создавая региональный режим регулирования международной миграции, беря на себя своего рода наднациональные полномочия по решению дел миграции и проблем беженцев, Европейский Союз позволяет своим государствам-членам ловко обходить обнаруженный Дж. Холифильдом «либеральный парадокс»,

если не полностью избегать его. Игра в хорошего и плохого полицейского, а также использование символической политики и методов для поддержки иллюзий контроля над границами долгое время помогало правительствам сдерживать напор с обеих сторон, по крайней мере до последнего времени это было так, как в свое время свидетельствовал Ч. Рудольф [25]. В конечном итоге, однако, сама природа либерального государства и та степень, до которой его открытость может быть институализирована и конституционно защищена от «большинства момента», будут определять, продолжают ли государства рисковать, открывая собственные границы для международной торговли и связанной с ней миграции, глубокомысленно философски резюмирует дебаты по проблеме Дж. Холифильд [30; с. 44].

В отличие от стереотипных представлений советских обществоведов, согласно которым рождение всего нового обязательно должно сопровождаться сломом, крушением старого, в случае с концепцией «миграционного государства» речь идет об эволюционном процессе развития, где государство как таковое сохраняется и, переходя в новое качество, напротив, даже укрепляется, т.к. не просто приобретает новые функции, но и возможности для их эффективной реализации. В этом случае региональная интеграция, с одной стороны, позволяет укрепить прежнее «торговое государство» XIX-XX вв., а, с другой стороны, действует как акушерка для будущего «миграционного государства». Региональная интеграция стирает границы территориальности, уменьшая проблемы на пути интеграции, в том числе со стороны национального самосознания и устаревающих коллективных идентичностей. Факт растущего размежевания между человеком и местом его проживания, который в прошлом, возможно, вызвал бы кризис национального самосознания и подорвал бы легитимность национального государства, сегодня представляется уже не столь существенной проблемой, особенно когда государство столь тесно связано с региональным режимом, как это происходит Евросоюзе. Тем временем, иммигранты в Европе постепенно приобретают права, в которых они нуждаются, чтобы жить и работать на территории государств-членов ЕС.

Все это не означает, конечно, что не нужно ожидать никакого сопротивления более свободной торговле и международной миграции. Протесты против глобализации, выступления противников глобальной миграции или ксенофобские реакции против иммигрантов периодически возникают и в Европе, и во всем развитом мире. Тем не менее, региональная интеграция — особенно, когда она имеет долгую историю и глубоко институализирована, как это имеет место в Западной

Европе — облегчает риски государств, связанные со свободной торговлей и миграцией. Правительствам, в свою очередь, легче выстраивать те или иные политических коалиции, которые могут оказаться необходимыми для поддержки и институциональной фиксации большей открытости своих стран.

Неслучайно именно Европа рассматривается сегодня во многих частях мира в качестве удачной модели для решения проблем региональной интеграции. В частности, мексиканские лидеры, такие, как бывшие президенты Рауль Салинас де Гортари и Висенте Фокс, рассматривали опыт Европейского Союза, в первую очередь для решения такого деликатного политического вопроса, как массовая нелегальная мексиканская иммиграция в соседние Соединенные Штаты. Их аргументом в конечном счете стало утверждение, что свободная миграция и более открытая (нормализованная) граница должны стать логическим продолжением Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA). Мексиканское правительство Эрнесто Седильо согласилось предоставить двойное гражданство тем мексиканцам, которые проживают к северу от границы страны, таким образом, сделав большой шаг к объединению и распространению прав на мексиканцев, находящихся на территории США. Однако американская администрация при Джордже Буше-младшем отказывалось действовать столь же быстро в сторону экономической и политической интеграции, особенно после террористической атаки в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., предпочтя вместо этого создавать новые программы для временных рабочих или продолжать культивировать существующую систему, которая допускает большое количество несанкционированных мигрантов из Мексики в США, констатируют в своих исследованиях Дуглас Массей [28] и Дэвид Фитцджеральд [94]. Очевидно, однако, что Северная Америка – это регион, который выглядит самым близким к принятию регионального режима регулирования международной миграции, наподобие того, который уже принят и действует в Европейском Союзе. На сегодняшний день, несмотря на протесты консервативных политиков и части общественности, Соединенные Штаты довольно ясно стоят перед перспективой проведения очередной иммигрантской амнистии, сопоставимой с той, которая была осуществлена, как часть федерального закона об иммиграционной реформе и контроле в 1986 г. В конечном счете таким либеральным и демократическим государствам, как США, трудно выдержать столь многочисленное население нелегалов. Поэтому политика амнистии, легализации и

на их основе регуляция становится общим для всех политико-экономическим последствием глобальной миграции.

Если говорить о других регионах мира, то здесь возможности создания режимов международного регулирования свободной миграции могут быть отнесены к делу весьма отдаленного будущего. При том, что наибольшее количество экономических мигрантов находится сегодня в активно развивающихся странах Азии, этот регион мира остается разделенным на относительно закрытые и зачастую жестко авторитарные государства, где перспектива предоставления прав иммигрантам и иностранным рабочим крайне невелика [85] Азиатские государства с более либеральными и демократическими порядками, такие, как Япония, Тайвань и Южная Корея, служат здесь исключениями, но на самом деле и они лишь недавно начали сталкиваться с проблемой иммиграции в относительно мелком масштабе [66]. Страны Африки и Ближнего Востока, отличающиеся наиболее высокими показателями численности вынужденных переселенцев и беженцев, политически остаются крайне дестабилизированными в результате происходящих здесь гражданских войн на религиозной и социальной почве. В этом регионе мира довольно много различных диаспор и государств со слабым институциональным потенциалом или недостаточным правовым статусом для осуществления каких-либо контактов по регулированию международной миграции. [41]

8 Мировой политико-экономический аспект миграции. Итоги и выводы

Глобальная миграция, как видно из проведенного анализа, выступает одновременно и в качестве причины, и в качестве последствия политических и экономических изменений, происходящих в современном мире. Собственно, в этом и заключается главный политико-экономический аспект данного явления, рассматриваемого на макроуровне.

Проблема международной миграции, особенно на фоне последних событий с сирийскими беженцами, воспринимается остро как никогда. Между тем последние семь десятилетий число мигрантов стремительно и неуклонно росло не только в Европе, но и во многих других частях мира. Так что к началу нынешнего столетия численность тех, кто родился в одной стране, но постоянно проживает в другой, во

всем мире достигла 200 млн. человек. Очевидно, что в дальнейшем мигрантов будет становиться все больше и больше.

Причин миграции по большому счету две: торговля и войны. Свободная торговля, как и свободное движение капиталов, все больше стимулирует перемещение людей, в первую очередь рабочей силы. Так, собственно, возникла и развивается миграция, которую уже с полной уверенностью можно назвать глобальной. Войны, однако, как мы видим, тоже никуда не деваются, и они, в свою очередь, порождают все больше беженцев. Начиная с 2013 года, по данным ООН, численность вынужденных переселенцев из-за гражданских и международных конфликтов, происходящих в различных странах и регионах мира, бьет рекорды времен Второй мировой войны. [95] Нынешняя волна беженцев в Европе — неизбежная плата за подобное положение дел, как и за глобальное неравенство.

Разрыв между беднейшими и богатейшими государствами, когда первые к тому же зачастую являются бывшими колониями вторых, не просто причина растущих проблем с миграцией, но едва ли не главный камень преткновения в решении проблем, связанных с глобальной миграцией. Первая группа нерешаемых пока проблем касается невозможности регулирования массовых миграционных потоков, особенно на международном уровне. Трудности контроля обусловлены прежде всего тем, что, в отличие от товаров и капиталов, все люди наделены свойствами личности, а потому склонны действовать самостоятельно, исходя из собственных потребностей и интересов. Людей нельзя перемещать как партии ширпотреба, им нужно обеспечить совершенно определенные, человеческие условия жизни и права. Вместо этого мы видим, что они все больше превращаются в объект «черного рынка» рабочей силы, по сути дела в «контрабандный товар», нелегально перевозимый через границы, все чаще со смертельным риском.

Второй блок проблем связан с тем, что мы, как ни странно, живем в анархическом мире. На первый взгляд — какая еще анархия, если повсюду государство? Однако государство в нашей жизни существует лишь постольку, поскольку мы его граждане, и до тех пор, пока мы в этом своем государстве как граждане находимся. Стоит пересечь границу, как привычные нормы, правила и законы могут перестать действовать. Иногда это и хорошо, особенно если вы бежите от деспотического режима туда, где больше прав и свобод. Но такой шаг для любого человека всегда означает риск и неопределенность. Будучи преодоленной на уровне каждого из государств, анархия продолжает существовать в отношениях между

ними самими. Как в такой ситуации договорится о чем-либо, в том числе о единой миграционной политике? Кто будет определять общие правила, как уследить за их исполнением? Пока ни одно государство мира не готово всерьез отказаться от собственного суверенитета, трудно рассчитывать, что какие-либо договоренности в данном случае будут эффективны.

Опять же на пути международных договоренностей, как по глобальной торговле, так и по глобальной миграции, стоит столкновение интересов разных стран. Прежде всего это касается противоречий между самыми бедными и самыми богатыми. Последние все больше волнуются, не угрожает ли растущий поток иммигрантов их материальному благополучию, культурной идентичности и внутренней устойчивости. Международное регулирование миграции бывает относительно успешным на региональном уровне, когда страны со схожей степенью экономического развития, общими политическими ценностями и похожим государственным устройством договариваются о том, что Кант называл «правом всемирного гражданства». В частности, если человек законно пересекает границу, в отношении него должны действовать некие общие правила, предусматривающие неприкосновенность его личной свободы и соблюдение других неотъемлемых прав. Если же человек оказался в стране нелегально, да еще и приехал оттуда, где права человека не соблюдал никто и никогда, по идее, его надо либо выдворить обратно, либо все-таки интегрировать. Можно ли интегрировать всех желающих? Но ведь и поток остановить тоже нельзя. Так мы плавно переходим с международного уровня на национальный.

Миграция — тот самый случай, когда анархия стучится в двери национального государства, ставя его перед трудноразрешимой дилеммой. В современной литературе по проблемам миграции на Западе используется также термин «либеральная дилемма». Способны ли самые благополучные, самые развитые и одновременно самые свободные страны современного мира отгородиться от остальных? Идея «стены», которая бы отделила, скажем, Шенгенскую зону от остального менее стабильного и сытого мира, все более популярна в бывших социалистических странах вроде Венгрии и Латвии — не самых богатых, надо сказать, внутри Европейского союза. Почему Германия, которая куда благополучнее и в которую сами венгры и латвийцы с удовольствием едут на работу, настроена в отношении мигрантов значительно более либерально? Только ли в силу большего материального благополучия? Или, может быть, из идеологического догматизма,

засилья «левых идей», по вине Франкфуртской школы социологии, как считают некоторые отечественные политики, общественные деятели и публицисты?

На самом деле решение правительств наиболее развитых и демократических стран в пользу большей открытости по отношению к мигрантам носит вполне прагматический характер. Во-первых, иностранная трудовая миграция удовлетворяет потребности развитых стран в привлечении необходимых им трудовых ресурсов, рабочей силы, как высококвалифицированных, так и низкоквалифицированных рабочих. Привлечение трудовых мигрантов в большинстве случаев предполагает прямую экономическую выгоду для принимающих их стран. Во-вторых, прагматический аспект связан с самими основами западной политической структуры, основанной на принципах свободы, демократии и открытости. Закрывать границы — значит хотя бы в какой-то части отказаться от свободы, которая есть не просто принцип, но основа всего остального в современном демократическом обществе. Нельзя, таким образом, сохранить свободу для себя, отказав в ней другим. Построив стену сегодня, завтра развитые западные страны потеряют свободу сами, а вместе с ней — и свое благополучие, и безопасность. Закономерность эта, к сожалению, пока совершенно непонятна бывшему советскому человеку, пропустившему за «железным занавесом» все главные события мировой истории последних 70 лет. Потому-то в странах, некогда принадлежавших к «социалистическому лагерю», в Венгрии, Польше и других восточноевропейских странах для решения обострившейся проблемы мигрантов и беженцев первым делом попросту предлагают возвести высокие заборы вдоль границ, для большей верности обнеся их колючей проволокой.

Тем не менее в пользу ограничений есть и более веские аргументы, чем суеверия и страх. Каждое демократическое государство, как известно, есть результат общественного договора, в котором участвуют правительство и граждане. И если правительства в демократических странах обязаны время от времени меняться, гражданское общество, если желает оставаться значимой силой в договоре с государством, напротив, должно быть достаточно устойчивым, в том числе и по своему составу. Массовое появление новых людей, постоянное перемещение из страны в страну, да что там — из одной части мира в другую неизбежно ставит вопрос, кто субъект общественного договора со стороны нации? Это может поставить под вопрос и сам общественный договор. Учитывая же, что вопреки предрассудкам иммигранты, как показывают исследования, обычно гораздо более

лояльны властям принимающего их государства, чем «старые» граждане, пересмотр общественного договора может произойти вовсе не в пользу гражданского общества. Особенно в той части, которая касается социальных прав и гарантий, ставших нормой в большинстве современных европейских стран. Государство нервничает не меньше успешных избаловаться граждан на Западе. Ведь государственный суверенитет предполагает контроль над гражданами. В том, что касается уплаты налогов и соблюдения законов. Граждане государства нуждаются в учете. Не так, конечно, как в сталинском СССР, где для тотального контроля были введены до сих пор еще не отмененные у нас унижительные правила прописки и внутренние паспорта. Но все же для уплаты налогов, как и для получения социальной защиты, лучше быть каким-то образом зарегистрированным. Тем временем, иммигранты продолжают прибывать в массовом порядке, зачастую нелегально устраиваются на работу, не имеют возможности социализироваться должным образом, а потому рискуют оказаться в криминальной среде — все это делает миграцию вызовом для государства. Отгородиться при этом нельзя, как мы уже выяснили. Однако так же недопустимо оставлять ситуацию без контроля. Иначе какое это тогда государство?

Сегодня будущее государства едва ли не в последнюю очередь зависит от того, как оно справится с проблемой глобальной миграции, сумеет ли найти работающие формы контроля или нет. Очевидно, что решить эту проблему можно только на международном уровне, где просто жизненно необходимы новые формы сотрудничества, действующие механизмы выработки, принятия и реализации договоренностей.

Современная ситуация с миграцией — вызов и возможность одновременно. С одной стороны, существует угроза хаоса и утраты достигнутого уровня общественного блага. С другой стороны, налицо стимул для изменений. Особенно в том, чтобы, выражаясь словами Дж. Найя, «заставить сотрудничать» на международной арене, продолжить создавать институты, регулирующие международную анархию [95]. Оправдан ли этот оптимизм либералов, особенно на фоне последних событий? В глазах западных экспертов нынешний кризис, связанный с неуправляемой миграцией, выглядит пока менее тяжелым, чем уже пережитые человечеством промышленная революция, две мировые войны и закат мировых колониальных империй. В любом случае, у политиков и гражданского общества (там, где оно есть) не остается другого выбора, кроме как находить нужное решение.

Международная миграция, как и свободная международная торговля, является фундаментальной особенностью того мирового либерального порядка, который развивался в течение всех послевоенных десятилетий. При этом международная миграция постоянно увеличивается, поскольку государства и общества современного мира становятся более открытыми и более либеральными. Станет ли наблюдаемое увеличение миграции благом для человечества или породит новые конфликты, отправив современный мир по очередному порочному кругу столкновения эгоистических интересов и войн? Приведет ли это к дестабилизации, толкая международную систему к большей анархии, беспорядкам и войнам; или это приведет к большей открытости, процветанию и развитию лучших качеств человека?

Как представляется, многое будет зависеть от того, как будут управлять миграцией наиболее крупные и могущественные демократические государства с либеральной экономикой, потому что именно они устанавливают сегодня тенденции, релевантные для остальной части земного шара. Во избежание внутренней политической реакции против иммиграции, права мигрантов в этих странах должны быть соблюдены, а государства должны сотрудничать в построении многостороннего режима регулирования международной миграции. Первые, хотя и несовершенные шаги к такому режиму уже сделаны в Европе, за которой, вероятно, последует Северная Америка. Поскольку демократические государства будут объединяться, чтобы управлять этим чрезвычайно сложным явлением, велика возможность реального построения международного режима, осуществляемого под патронажем ООН. Однако такая возможность может оказаться недостаточно эффективной в масштабах всего современного мира, поскольку сохраняющаяся асимметрия интересов, как следствие глобального неравенства между развитым и развивающимися странами по-прежнему слишком велика, чтобы позволить двум этим группам кооперации преодолевать взаимные противоречия. Поскольку, однако, экономики развитых стран обречены на зависимость от свободной торговли и глобальной миграции, они, вероятно, на долгие десятилетия будут оставаться в описанной ловушке «либерального парадокса», стремясь с одной стороны к экономической открытости, а с другой – оставаясь с закрытыми границами. Такова политико-экономическая реальность современного разделенного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Hollifield, J.F. Should Countries Liberalize Immigration Policies? Yes. // Haas, P.M., Hird, J.A., McBratney, Beth. (Eds.) *Controversies in Globalization: Contending Approaches in International Relations*. Washington, DC: CQ Press, 2010. “
- 2 Hollifield, J.F. The Politics of International Migration: How Can ‘Bring the State Back In?’ // Brettell, C.B., Hollifield, J.F. (Eds.) *Migration Theory: Talking Across Disciplines*. New York, Routledge 2008.
- 3 Hollifield, J.F., Orrenius, P., Osang, T. *Trade, Migration and Development*. Dallas: Federal Reserve Bank of Dallas, 2007.
- 4 Martin, P.L., Widgren, J. *International Migration: A Global Challenge*. // *Population Bulletin*, 1996, 51/1.
- 5 Hatton, T.J., Williamson, J.G. *The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact*. New York: Oxford University Press, 1998.
- 6 Moch, L.P. *Moving Europeans: Migration in Western Europe since 1650*. Bloomington: Indiana University Press, 1992.
- 7 Tilly, Ch. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975.
- 8 Sassen, S. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages*. Princeton, N.J: Princeton University Press, 2006.
- 9 Koslowski, R. *Migrants and Citizens: Demographic Change in the European System*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2000.
- 10 Kohn, H. *The Age of Nationalism: The First Era of Global History*. New York: Harper & Row, 1962.
- 11 Brubaker, R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.
- 12 Krasner, S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.
- 13 Torpey, J. *The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship, and the State*. New York: Cambridge University Press, 2000.
- 14 Hobsbawm, E. *Nations and Nationalism since 1780*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- 15 Brubaker, R. *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- 16 Weiner, M. *The Global Migration Crisis: Challenge to States and to Human Rights*. New York: HarperCollins, 1995.
- 17 Huntington, S.P. *Who Are We? The Challenges to America’s Identity*. New York: Simon & Schuster, 2004.
- 18 Schlesinger, A. Jr. *The Disuniting of America*. New York: W. W. Norton, 1992.
- 19 Freeman, G.P. The Decline of Sovereignty? Politics and Immigration Restriction in Liberal States. // Joppke, Ch. (ed.) *Challenge to the Nation-State*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- 20 Wayne, C.A., Tsuda, T., Martin, P.L., Hollifield, J. F. (Eds.) *Controlling Immigration: A Global Perspective*, 2nd Edition. Stanford, Calif: Stanford University Press, 2004.
- 21 Shaw, M.N. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- 22 Gibney, M.J. *The Ethics and Politics of Asylum: Liberal Democracy and the Response to Refugees*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

- 23 Freeman, G.P. Modes of Immigration Politics in Liberal Democratic States. // *International Migration Review* 1995. 29/4. Pp. 881–902.
- 24 Joppke, Ch. *Challenge to the Nation-State*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- 25 Rudolph, Ch. *National Security and Immigration: Policy Development in the United States and Western Europe since 1945*. Stanford: Stanford University Press, 2006.
- 26 Adamson, F. *Crossing Borders: International Migration and National Security*. // *International Security*, 2006, 31/1, pp. 165-199.
- 27 Sassen, S. *Losing Control? Sovereignty in an Age of Globalization*. New York: Columbia University Press, 1996.
- 28 Massey, D.S., Durand, J., Malone, N.J. *Beyond Smoke and Mirrors: Mexican Immigration in an Era of Economic Integration*. New York: Russell Sage Foundation, 2002.
- 29 Soysal, Y.N. *Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- 30 Hollifield, J. F., Hunt, V.F., Tichenor D. J. Immigrants, Markets and the American State: The United States as an 'Emerging Migration State,' // *Washington University Journal of Law & Policy*, 2008, 27, pp. 7-44.
- 31 Stolper, W.F., Samuelson P.A. Protection and Real Wages. // *Review of Economic Studies*, 1941, 9, pp. 58-73.
- 32 Mundell, R.A. International Trade and Factor Mobility. // *American Economic Review*, 1957, 47, pp. 321-335.
- 33 Martin, P.L. *Trade and Migration: NAFTA and Agriculture*. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1993.
- 34 Waltz, K.N. *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979.
- 35 Gilpin, R. *The Political Economy of International Relations*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986.
- 36 Keohane, R.O., Nye, J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
- 37 Keohane, R.O., Milner, H. *Internationalization of Domestic Politics*. New York: Cambridge University Press, 1996.
- 38 Zolberg, A.R. *International Migration in Political Perspective*. // Kritz, M.M., Keely, Ch. B., Tomasi, S.M. (Eds.) *Global Trends in Migration: Theory and Research in International Population Movements*. New York: Center for Migration Studies, 1981.
- 39 Meyers, E. Theories of International Immigration Policy. A Comparative Analysis. // *International Migration Review*, 2000, 34/4, pp. 1245-1282.
- 40 Betts, A. *Forced Migration and Global Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- 41 Betts, A. *International Protection by Persuasion International Cooperation in the Refugee Regime*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2009.
- 42 Douglas, M. *How Institutions Think*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986.
- 43 Jacobson, D. *Rights across Borders: Immigration and the Decline of Citizenship*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1996.
- 44 Wendt, A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press), 1999.

- 45 Waever, O., Buzan, B., Kelstrup, M., Lemaitre, P. Identity, Migration, and the New Security Agenda in Europe. New York: St. Martin's Press, 1993.
- 46 Hollifield, J. Migration and the New International Order: The Missing Regime. // Chosh, B. (Ed.) Managing Migration: Time for a New International Regime. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 47 Huntington, S.P. The West: Unique, Not Universal. // Foreign Affairs, 1996, 75/6, pp. 28–46.
- 48 Borjas, G.J. Friends or Strangers: The Impact of Immigrants on the US. Economy. New York: Basic Books, 1990.
- 49 Brimelow, P. Alien Nation: Common Sense About America's Immigration Disaster. New York: Random House, 1995.
- 50 Buchanan, P.J. State of Emergency: The Third World Invasion and the Conquest of America. New York: St. Martin Press, 2006.
- 51 Weiner, M. (Ed.) International Migration and Security. Boulder, Colo.: Westview, 1993.
- 52 Weiner, M., Teitelbaum M.S. Political Demography, Demographic Engineering. New York: Berghahn Books, 2001.
- 53 Greenhill, K. Weapons of Mass Migration: Forced Displacement, Coercion and Foreign Policy. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2011.
- 54 Кант, И. К вечному миру. Философский проект. / Пер. А.В. Гулыги. // Кант И. Собр. соч. В 8. Т. М., 1994. Т.7.
- 55 Wallerstein, I. The Modern World System. New York: Academic Press, 1976.
- 56 Rosenau, J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1990.
- 57 Ruggie, J. Constructing the World Policy: Essays on International Institutionalization. New York: Routledge, 1998.
- 58 Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1991.
- 59 Glick Schiller, N. Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience. // The Handbook of International Migration: The American Experience, eds. Charles Hirschman, Philip Kasinitz, and Josh DeWind. New York: Russell Sage, 1999. Pp. 94-119.
- 60 Levitt, P. The Transnational Villagers. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 2001.
- 61 Massey, D. S. Return to Aztlan: The Social Processes of International Migration from Western Mexico. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1987.
- 62 Portes, A. Transnational Communities: Their Emergence and Significance in the Contemporary World-System. // Korzeniewicz, R. P., Smith, W. C. (Eds.) Latin America in the World Economy. Westport, Conn.: Greenwood. 1996.
- 63 Rosenblum, M.R. US-Mexican Migration Cooperation: Obstacles and Opportunities. // Hollifield, J. F., Orrenius, P., Osang, T. Trade, Migration and Development. Dallas: Federal Reserve Bank of Dallas, 2006.
- 64 Simon, J. The Economic Consequences of Immigration. Oxford: Blackwell, 1989.
- 65 Piore, M. J. Birds of Passage: Migrant Labor in Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- 66 Cornelius, W.A., Martin, Philip L., Hollifield, J. F. (Eds.) Controlling Immigration: A Global Perspective. Stanford, Calif: Stanford University Press, 1994.

- 67 Castles, S., Davidson, A. *Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging*. New York: Routledge, 2000.
- 68 Joppke, Christian, *Selecting by Origin: Ethnic Migration in the Liberal State*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.
- 69 Moravcsik, A. *Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics*. // *International Organization*. 1997. 51/4, pp. 513-553.
- 70 Loescher, G., Betts, A., Milner, J. *UNHCR: The Politics and Practice of Refugee Protection into the 21st Century*. London: Routledge, 2008/
- 71 Calavita, K. *Inside the State: The Bracero Program, Immigration and the INS*. New York: Routledge, 1992.
- 72 Geddes, A. *The Politics of Migration and Immigration in Europe*. London: Sage Publications, 2003.
- 73 Milner, H. V. *Resisting Protectionism: Global Industries and the Politics of International Trade*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988.
- 74 Rosenblum, M.R. *The Transnational Politics of U.S. Immigration Policy*. La Jolla, CA: University of California-San Diego, Center for Comparative Immigration Studies, 2004.
- 75 Hollifield, J. F. *Immigration and Integration in Western Europe: A Comparative Analysis*. // *Immigration into Western Societies: Problems and Policies*. London: Pinter, 1997.
- 76 Hollifield, J. F., Wilson C. J.. *Rights-Based Politics, Immigration and the Business Cycle, 1890-2008*. // Chiswick, B. (Ed.) *High-Skilled Immigration in a Global Labor Market*. Washington, DC: American Enterprise Institute Press. 2011
- 77 Ruggie, J. G. (Ed.) *Multilateralism Matters: The Theory and Practice of an Institutional Form*. New York: Columbia University Press, 1993.
- 78 Joppke, Ch. (ed.) *Challenge to the Nation-State*. Oxford: Oxford University Press, 1998/
- 79 Hollifield, J. *Immigrants, Markets and States: The Political Economy of Postwar Europe*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.
- 80 Hollifield, J. F., Jillson, C. (Eds.) *Pathways to Democracy: The Political Economy of Democratic Transitions*. New York: Routledge, 1999.
- 81 Ghosh, B. (Ed.) *Managing Migration: The Need for a New International Regime*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- 82 Goldstein, J. *Creating the GATT Rules: Politics, Institutions, and American Policy*. // Ruggie, J.G. (Ed.) *Multilateralism Matters: The Theory and Practice of an Institutional Form*. New York: Columbia University Press. 1993.
- 83 Thielemann, E. "Between Interests and Norms: Explaining Burden-Sharing in the European Union," *The Journal of Refugee Studie*, 2003, 16(3), pp. 253-273.
- 84 Martin, L. *The Rational State Choice of Multilateralism*. // Ruggie, J. G. (Ed.) *Multilateralism Matters: The Theory and Practice of an Institutional Form*. New York: Columbia University Press, 1993.
- 85 Sadiq, K. *Paper Citizens: How Illegal Immigrants Acquire Citizenship in Developing Countries*. New York: Oxford University Press, 2009.
- 86 Ratha, D. *Leveraging Remittances for Development*. // Hollifield, J. F. Orrenius, P., Osang, T. (Eds.) *Trade, Migration and Development*. Dallas: Federal Reserve Bank of Dallas, 2007.
- 87 Martin, P. L., Abella, M., Kuptsch, C. *Managing Labor Migration in the Twenty-first Century*. New Haven, CT: Yale University Press, 2006.
- 88 Kyle, D., Koslowski, R. *Global Human Smuggling: Comparative Perspectives*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001.

- 89 Layton-Henry, Зю (Ed.) The Political Rights of Migrant Workers in Western Europe. London: Sage, 1990.
- 90 Bauböck, R. Transnational Citizenship: Membership and Rights in International Migration. Aldershot, Eng.: Edward Elgar, 1994.
- 91 Straubhaar, T. On the Economics of International Labor Migration. Bern: Haupt, 1988.
- 92 Miller, M. J., Martin, Ph. L. Administering Foreign Worker Programs. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1982.
- 93 Rosecrance, R. The Rise of the Trading State. New York: Basic Books, 1986.
- 94 Fitzgerald, D. A Nation of Emigrants: How Mexico Manages Its Migration: Berkeley: University of California Press, 2009.
- 95 Жарков, В. О вызовах и возможностях массовой миграции. // Газета.Ру, 28 октября 2015 г. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/zharkov/7849265.shtml>